

84(2Рос=Рус)6

433

Владимир
Денисов

Земная Пядь

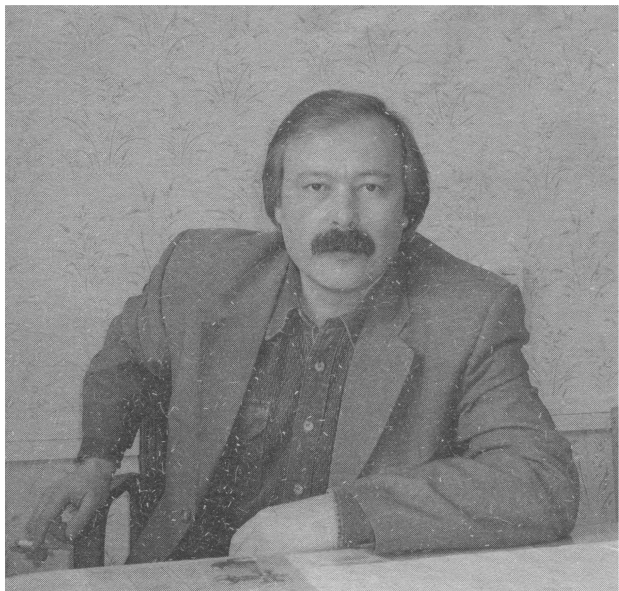
152

Уфа «КИТАП» 2001

Благинин
Денисов

80

Владимир
Денисов

**Земная
Пядь**

∞

Стихи
переводы

УДК 882-1
ББК 84 (2Рос=Рус)-5
Д 33

Денисов В. В.

Д 33 **Земная пядь: Стихи, переводы. — Уфа:**
«Китап», 2001. — 144 с.

ISBN 5-295-02857-7

В новой книге уральского поэта Владимира Денисова собраны стихи разных лет. Однако их объединяет одно качество: незаемный, неравнодушный взгляд на жизнь и творчество, на историю и современность. В книгу вошли также переводы стихов известных башкирских поэтов.

ТП — 169

УДК 882-1
ББК 84(2Рос=Рус)-5

ISBN 5-295-02857-7

© В. В. Денисов, 2001

«В пределах жизни собственной...»

Скажу без обиняков: мне симпатичен этот человек с пронзительно-черными глазами евразийца и фигурой былинного русского богатыря. Симпатичны и стихи, которые пишет Владимир Денисов (а речь идет о нем), — такие же крепкие, ладные, непокорно-вольные, как и он сам.

По рождению Владимир — коренной уралец. Здесь, в нынешнем рабочем Екатеринбурге, завязалась тоненькая ветвь его детства — в те самые «пятидесятые года», когда, поднимаясь после страшного военного лиха, «страна счастливая... прорехи скорбные латала». Этот подъем, эта жажда поскорее расправить плечи, стряхнуть с себя тяжкий груз бед и неурядиц нелегких послевоенных лет были так всеохватны, могучи, многообещающи, что увлекли и открытые всему хорошему мальчишеские сердца.

«Я живу у железной дороги, у веселой над нею звезды», — это о себе, о своей рабочей окраине, где на виду у занятой великим трудом страны, на глазах вчерашних солдат, «вечных вдов» и стариков быстро росли и мужали беспокойные мальчишки той поры.

Владимир не был исключением. Но... рядом проходила, гремя составами, и куда-то звала железная дорога, копились в тетрадках написанные сердцем стихи, и он наконец решился — отправился в столицу и, пройдя конкурсный отбор, поступил в Литературный институт им. А. М. Горького.

Та же дорога вела Владимира Денисова по бесконечным городам и весям как работника и как поэта тоже. Был он солдатом, шофером, поработал и водителем троллейбуса, и строителем, и художником, и газетчиком, несколько лет прожил на Сахалине. И все это — увиденное собственными глазами, пережитое сердцем, впившееся в ладони — откладывалось в его

стихах. Они писались неспешно, по-денисовски основательно и крепко, войдя затем в поэтические сборники «Встречные лица», «Белая поляна», «В пределах жизни», увидевшие свет в Свердловске, Москве и на Сахалине, были опубликованы в уральских, московских и дальневосточных журналах.

Это сейчас, когда страна разорена, когда о могучем взлете Сибири и Дальнего Востока, об их воистину великих стройках нынешние хозяева газет, радио- и телеканалов говорят, лишь желая излить свою неприязнь и барскую спесь к нашему народу и к «этой стране», когда те же сахалинцы и курильчане переживают неслыханную трагедию и как бы специально выталкиваются из родного Отечества под крыло соседней державы, массовый энтузиазм того поколения может показаться пустым мальчишеским романтизмом и напрасными жертвами. Тогда же все было иначе.

Поэзия Владимира Денисова рождалась из этих ощущений пространства великой страны и народных чаяний, жила и наполнилась ими:

Внедряя слово в ясные дела,
Пронизывала жизнь меня, как ветер.
Глядел в нее
Я не из-за угла
И потому немного заметил.
Но отразились отблески идей
И то, что любим, и о чем мы ропщем,
В пределах жизни собственной моей,
Как в капле необъятной жизни общей.

С интересом перечитываю его прежние стихи, вчитываюсь в новые, написанные совсем недавно и продиктованные совсем другими чувствами и мыслями, и радуюсь за него. За его доброту и любовь к людям, за его прямоту и нелукавость в наше лукавое время, за его точный, сдержанный стих, за его чистую русскую речь.

*Роберт ПАЛЬ,
председатель отделения русских писателей
Союза писателей Башкортостана.*

Первый

шаг

Вырос

*Он весел был, не обращая
В разлуку долгую
Отъезд.*

*Три дряблых пальца
на прощанье
В пространстве вычертили крест.*

*У ветра был пьянящий запах.
Кружили птицы в высоте.
И север, юг, восток и запад
Соединили пальцы те.*

*Четыре стороны на свете!
Дорога к каждой — не проста...
Стоит парнишка на планете
В середине
Этого
Креста.*

* * *

Выхожу из возраста,
Цепляюсь
За щемяще-школьное «люблю»,
Ничему уже не удивляюсь,
Сдержанней
Ругаю и хвалю.

Может, это глупо, может, плохо —
Пренебречь мальчишеской судьбой...
Выхожу из возраста
И плотно
Прикрываю двери за собой.

* * *

У стадиона, кладбища, тюрьмы,
У фабрик и больничных насаждений
Росли
 войной не тронутые
 мы,
Вникая в смысл серьезных заведений.

Широким плеском праздничных знамен
Притягивал нас в детстве стадион.
А в юности, еще ученики,
Мы встали за фабричные станки.

Нас задевало — как ни сторонись —
Тяжелое дыхание больниц.

Вот только —

дай мне, господи, ума! —
Судьбы моей не сгорбила тюрьма,
Да кладбище, вместившее века, —
Оно совсем не понято пока...

* * *

Пятидесятые года,
Пора целинного запала.
Страна счастливая тогда
Прорехи скорбные латала.

Еще встречались кое-где
В полях, где хлебу колоситься,
Осколки в свежей борозде,
Как вдовьи гнутые ключицы.

Но отодвинулась война...
Слышнее стали птичьи трели...
Снимала ватники страна
И в сени прятала шинели.

А на одежде той следы
Свои эпоха оставляла —
От бабьей тягостной слезы
И злого вражьего металла...

Мы оглашали криком дом,
И тишиной тянуло с улиц,
Но все же нас война коснулась
Своим слабеющим крылом.

Глазами, круглыми от снов,
Качаясь в детских колыбелях,
Еще мы видели отцов
В седых, простреленных шинелях...

Семейная традиция

Мы были слишком пацаны,
Чтоб понимать смертей причины.
А погибали
От войны
Войну прошедшие мужчины.

Стонало дерево родства,
Я этот стон тревожный слышал!
Была прабабушка жива,
А из дедов
Никто не выжил.

Она, пригладив снег волос,
Пыталась нитку вдеть в иголку,
Вздыхая:
— Так уж повелось,
Что мужики живут недолго.

Мальчонка, тоненькая ветвь,
Я открывал глаза и уши,
Чтоб больше сметь,
Чтоб песню спеть
И чтоб традицию
нарушить...

Двадцатилетие

Я на правом фланге. С краю.
Он — в кустах среди двора.
С мальчиком в войну играю,
Скоро кончится игра.
Спирт в моей армейской фляжке,
За спиной — «АК» торчит...
Ну а он — из деревяшки
Вызывающе строчит!
Голова его, как мячик,
Негодует средь ветвей.
Что ты можешь, бедный мальчик,
С деревяшкою своей?
Ты запачкан школьным мелом,
Ты уходишь во вчера...
Я один на свете белом.
Вот и кончена игра.

Давнее

Он бил ее не то чтоб слабо,
Не то чтоб сильно, но уж так,
Что по двери сползала баба,
Держась рукою за косяк.

И тихо охала у входа,
Пока он,
Оседлав скамью:
— Я шел к тебе четыре го-ода... —
Хрипел любимую свою.

Совал горбушку хлеба к носу —
Пил алкоголь недорогой
И, сжав зубами папиросу,
Одной прикуривал рукой.

Ходил по дому с бранью краткой,
Каким-то снимочком трясся...
Молчала женщина, украдкой
На фотографию кося.

На снимке том глядел степенно
Сынок, чернявый, как смолье,
Напоминанием измены
Одной-единственной ее.

В послевоенный год когда-то,
Устав пахать, косить и жать,
Она любимого солдата
На месяц перестала ждать.

А он с того вернулся света,
Промучась год в госпиталях,
Оставив только руку где-то
На рейнских выжженных полях.

С тех пор давно не полыхает
От бомб
Ни поле, ни жилье,
А все ж война не утихает
В согбенном домике ее.

И это видеть надо, что ли,
Как женщина, прибравши дом,
Неслышно, охая от боли,
Целует мужа перед сном...

Ветеран

Он жизнь печальную влачил,
Он пил и дома, и не дома...
Но вдруг он орден получил
Из рук седого военкома.

Сквозь тридцать с лишним лет и зим
Пройдя — из фронтового ада,
Нежданно повстречалась с ним
Его законная награда.

Ему хотелось убежать,
Да сухость губы обметала:
Не смог в руках он удержать
Кружок тяжелого металла.

Как будто щеки жгло огнем,
Когда он тихо орден поднял...
Но люди помнили о нем,
Он о себе уже не помнил...

Полицай

Его не помнят.
Стерлась память.
По слухам — где-то воевал...
Как деньги, что ничем не пахнут,
Ничем не пахнут и слова.
А он над картами склонится,
Как в оккупированный год
Над списком местных коммунистов
Или над трупом у ворот.
И жизнь — прошла,
И бита карта!

И — не уйдешь от гневных лиц.
Он знает твердо: ищет кара
Замаскированных убийц.
Уж много лет, как нет покоя...
Он в лес уйдет, скрывая страх:
Трава склоняется в погоне,
Засада шепчется в кустах.
Он дверь захлопнет на щеколду,
Худой, невыспавшийся, злой,
А воротник прилипнет к горлу
Суровой висельной петлей.
Темны неприбранные сени,
Порог избы, как плаха, крут,
И по ночам убитых тени
Его окошко стерегут...

* * *

Я знаю склад армейской жизни,
Я помню воинский устав.
Его сухие афоризмы
Еще хранятся на устах.
И потому-то мне понятны
В суровой форме рядовых
Слова — запал, слова — гранаты
Поэтов наших фронтовых.
И потому мне, видно, дорог —
Без всяких там обиняков —
Сухой, готовый к взрыву, порох
В пороховницах их стихов.
Они, поэты фронтовые,
Под гул орудий и колес
Узнали то, что мне впервые
Узнать по книгам довелось...

Художник

Затемнив прилавками квартал,
Приютившись между тополями,
Рынок настроенье подымал
Зеленью и мятыми рублями.

В довоенном грязном пиджаке,
Кое-как заштопанном снаружи,
От большой торговли вдалеке
Инвалид устроился тщедушный.

Он картины выставил на суд,
А точнее — просто для продажи:
Пастухи стада свои пасут,
И кричат от яркости пейзажи.

С явною усмешкой на губах
Мимо шли носители червонцев...
А у продавца на рукавах
Краска, затвердевшая на солнце.

— Может, что поглянется, сынок? —
Он спросил с надеждой и не сразу...
— А почему... вон тот вон... голубок? —
Медленно выкраиваю фразу.

Отвечает.
В трубочку скрутил
Мне свое творение калека...
Я бы даже сдачу позабыл,
Да легко обидеть человека!

В дорогах, по которым нас мотало,
Заучивалась нами наизусть,
Как азбука армейского устава,
Стальная и бревенчатая Русь.

Мы пили воду, мы галеты грызли,
Мы, проведя учебные бои,
В дымящиеся стреляные гильзы
Свистели, как под Курском соловьи!

И, как нигде наверно во вселенной,
Над нами звезды падали, ясны,
И девушки
Из маленьких селений
К нам иногда заглядывали в сны.

Почти тысячеверстный путь осия,
Мы шли в обход,
Но чаще — напрямик...
Уж если я скажу когда: «Россия»,
То это слово будет не из книг.

Житьё-бытьё

Я жил на родине весенней,
Подковы гнул, судьбу ковал.
Дощатый быт ее селений
Мои ладони шлифовал.

С какою удалью чубатой
Дроздам, слетевшим на пенек,
Я дирижировал лопатой,
Да так, что гнулся черенок!

В тайге нехоженной и древней,
Где воздух колок, как нарзан,
Тела костлявые деревьев
Я по колено обрезал.

Ну, а потом слетала каска
На доски общего стола...
Во мне рабочая закваска
Не на год комнату сняла!

Она давно со мной знакома
И не решит сменить жилье, —
Ведь без нее не будет дома,
Не будет дома без нее...

В театре

На сцене — много шума,
Там слезы — по лицу.
А в гардеробе шуба
Прижалась к пальтецу.

Прижалась без опаски,
Чтоб все, как у людей,
Пока на сцене маски
Меняет лицедей.

Пока на сцене свечи
Безумствуют, слепя,
Должны же наши вещи
Почувствовать себя.

Пальто с подкладкой рваной
И шуба — мех до пят,
Пусть поздно или рано,
Но рядышком висят.

Пройдет еще немного
Коротеньких минут,
И люди на дорогу
За петли их встряхнут.

И даже не узнают
В горячке бытия,
Что в них не утихает
Трагедия своя...

Ван Гог начинается

...Горный мел.

В нем цвет и глубина.

В нем тепло земли и холод неба.

Что там ваши нежные тона,

Если жизнь черства, как корка хлеба!

Горный мел на гипсовых богинь

Я не тратил и не стану тратить.

Лучше уж

На потаскух нагих,

На картофель

Их нехитрых трапез.

Вы крестьянский видели обед?

Лица из угля, а не из ваты!

Гипсовых людей на свете нет,

А живые люди — грубоваты.

В этих людях — тоже красота,

Надо, чтоб они узнали это...

На квадрате серого листа

Происходит таинство портрета.

Этой же рукой, которой он

Набросал крестьянку на листочке,

Некогда изящный Аполлон

Был разбит на мелкие кусочки...

Скульптор

Какой там бог, когда иначе,
Взяв исторический разбег,
От бед — грустя,
От боли — плача,
Стал человеком человек.
Не бог, а он,
Копье откинув,
Пустое оглядел жилье
И взял, и вылепил из глины,
Шутя, подобие свое.
Снабдил подобие руками
И неуклюжей головой,
И подсадил его на камень
В углу пещеры родовой.
И чтобы есть могло почаще
Его подобье,
Человек
Из пня большого сделал чашу,
Обмазав глиною поверх.
И разве знал он, скульптор древний,
Что люди в жертвенный сосуд
Всей первобытною деревней
Животных мертвых понесут.
И будут плакать и молиться,
Забыв и не желая знать,
Что скульптор их простые лица
Сумел в подобье передать.
И сам он в гуле песнопений,
В обрядных танцах вслед за ним
Исколет галькою колени
Перед созданием своим.

Икона

В провинциальном божьем храме,
Там, где святой водички жбан,
Праматерь в золоченой раме
С холста глядит на прихожан.

Глаза зеленые навывкат
И нимба светлое кольцо...
Ее писал художник Витька
Немножко в стиле Пикассо.

Она в волнение приводила
Собою душу не одну,
Но, между прочим, походила
На третью Витькину жену.

Я забегал в сию обитель,
Глядел на бледное чело,
И Витьке, будто бы ценитель,
Кивал: — Причудливо зело...

И зрела в нас неторопливо
Какая-то с прошедшим связь...
Потом мы долго пили пиво,
На бок цистерны навалясь.

Медовый месяц шел у Витьки,
Он свадьбу с блеском закатил,
Поскольку за «глаза навывкат»
Почти пять сотен отхватил.

И знать не знали в божьем храме
Старушки, кутая тела,
Какими грешными руками
Она написана была...

На сорок первом километре,
Ведя натужно старый ЗИЛ,
Ты живность некую заметил
И даже не притормозил.

Отброшенная до сосенок,
Неловко голову подняв,
Кричит собака, как ребенок,
Своей кончины не поняв.

Уже ничто ей не поможет,
И, локоть выставив в окно,
Я проезжаю мимо.
Может,
Ей это было суждено...

Дорога пятится вдоль стекол.
Вершат безжалостно свое
Твоя бездумная жестокость
И равнодушие мое.

На сорок первом километре
Я выжимаю полный газ...
Из нас двоих виновен третий,
Что в каждом прячется из нас.

ДВОЙНИК

За окнами поезда мир затемнен,
И стекла чуть-чуть запотели.
И кажется — рядом такой же вагон,
А в нем — наши бледные тени.

Вон, к толстому, в каплях, окошку приник,
Качаясь на полочке зыбкой,
Мой милый, мой умный, мой давний двойник
С моей ироничной улыбкой.

Он весел. Он скалит в усмешечке рот.
И галстук на шее, как выпел.
Он длинный кефир из бутылочки пьет,
А я еще водку не выпил.

Он в высшей партийной, сдавая зачет,
Мне люмпенский орден навесил...
И весел его депутатский значок,
А мой институтский — невесел.

В окошко ему авторучкой стучу:
Мол, встретиться надо с тобою!
Две разные судьбы наши хочу
Я сделать одною судьбою.

На станции тихой объявлен подъем
Для тех, кто в одном человеке.
Мы к тамбуру, чуть пригибаясь, идем,
Идем, чтобы слиться навеки.

Идем, как ходили воры на правез,
И каждый — в своем вагоне.
Я дверь открываю: врывается дождь,
И нет никого на перроне...

Двойник -2

Вошел я в дом
На многие похожий,
И дверь открыв подаренным ключом,
Неяркий свет задумчивой прихожей
Я отодвинул медленно плечом.

Я был с тобой, веселый, беспощадный,
Но видел, будто зрением вторым,
Что где-то там, на лестничной площадке,
Стоит парнишка с профилем моим.

За дверью, что обита черной кожей,
Разглядывал он ручки и звонки...
Он — это я, во всем со мною схожий,
Но так и не решившийся войти!

Он по площадке делал пируэты
И на ступеньку сев, как на диван,
Закуривал плохие сигареты,
Которые зовут «Меридиан».

С тобой мы в танце медленно кружили,
Мы говорили что-то о любви...
Я строчки декламировал чужие,
А он писал на лестнице — свои.

Его любовь несмелую ценю я,
Но он о ней не скажет никому...
А я тебя целую и целую
И все-таки завидую ему!

Ну что ж.... последний разговор.
 Освобождение от смуты.
 Крадется вечер, словно вор,
 Крадя последние минуты.
 Все заболело воровством,
 В глазах людей таятся слезы,
 И даже тополь,
 Выгнув ствол,
 За пазуху
 Упрятал звезды.
 Трамвай, взволнованно звеня,
 Уводит тишь интеллигентно...
 И ты уходишь от меня,
 Моя, украденная кем-то.
 Я завтра тоже меж людьми
 Пройду отъявленно и пьяно,
 Рецидивистом от любви
 С угрюмым взглядом уркагана.
 И буду врать на склоне дня
 Какой-то девочке хорошей,
 Что нет дороже для меня
 И даже не было дороже...
 И только как-нибудь потом,
 Припоминая дни и даты,
 Я вдруг подумаю о том,
 Что все ж умел любить когда-то.
 Мне станет больно от вранья
 И от того, что день мой празднен...
 Но ты украдена,

и я,

я тоже

должен быть

Украден.

* * *

Я снова выдумаю девушку,
Привычки, волосы, жилье,
И вновь подумаю, что где уж там
Тебе, такой вот, до нее.

Скажу, что все былое
Выдуло,
Но вдруг пойму, пойму любя,
Что ничего-то я не выдумал,
А просто вспомнил про тебя.

* * *

Как любила!
Да вот не простила
Мимолетный и тайный обман.
И колечко свое опустила
В самый дальний на полке стакан.

С той поры
Одиночество в доме
Ходит-бродит на ватных ногах,
И его ледяные ладони
На ее остаются губах.

Со стены обрываются числа,
Даже праздники — будни на вид.
И в стакане
Печально и чисто
Золотое колечко звенит...

* * *

Средь распутных, продажных
и мнимых
Видеть женщин, достойных семьи...
Гениальны стихи о любимых
Гениальных поэтов Земли!

И когда я упал на колени
Перед женщиной слабой одной,
О, какие великие тени
За моей возвышались спиной!

Будто, выправясь после увечья,
Как оживший солдат на войне,
Сострадая,
Душа человечья
Первый раз шевельнулась во мне...

* * *

Не прощайте измен, не прощайте,
Не прощайте сейчас и вовек,
Даже если запросит пощады
Обделивший себя человек.
Даже если любовь попрошайки
Не остудит лихая молва —
Не прощайте измен, не прощайте,
Как прощают иные слова.
Назовите причудой и ложью
Покаянность неискренних слез,
Уходя за спасеньем возможным
В малахитовый ливень берез.
Всю природу тайком вопрошайте,
Как теперь вам смеяться и жить...
Не прощайте измен, не прощайте,
Если вы разучились любить!

Муза

В этой фазе вращения Земли,
На полнотных долготх планетх
Бизнесмены считают рубли
И скрипят авторучки поэтов.

Где-то поздний трамвай голосит,
Приседают колеса на стыках.
Тихо-тихо любимая спит —
Ну и снов ей, хороших и тихих!

Спит береза в морозном окне,
Спит, печаль израненным телом...
Каждой ночью приходит ко мне
Невеселая девочка в белом.

И в нехитрой своей красоте
Мне она не печаль, не обуза,
Состоящая в дальнем родстве
С музой Блока и пушкинской музой.

Я пишу, что трамвай голосит,
Что береза стоит оробело...
И всю ночь у окошка сидит
Невеселая девочка в белом.

Маяковский

В далеком городе Свердловске,
В одном из парков городских
Стоит гранитный Маяковский
Над суетою дел людских.

И к башмакам, большим, как лодки,
Поставленным

 чуть-чуть вразлет,
Привстав на цыпочки, неловко
Гвоздику паренек кладет...

Давно то было, даже слишком,
Родной мой город — вдалеке,
И я давно уж не мальчишка
С гвоздикой красною в руке.

И от меня уже не скрыто,
Что Маяковский
С дня того,
Рванувшись, вышел из гранита,
Как скорлупу разбив его!

Он вышел, чтоб судьбой задиры
Менять вокзалы на причал,
С Багдади — и до той квартиры,
В которой выстрел прозвучал.

И всякий раз в раздумьях горьких
Я дохожу до одного:
Зачем он любит слепо стольких,
Не понимающих его?

Ну ладно, РАПП, приют литчерни,
Актриска, лживая на треть...
Но эти Лиля, Ося, Щеник?
(Готов последнего терпеть).

Или в раздумиях великих
Он понял, сердцем клокоча,
Что над страной
 бледнеют лики
Дзержинского и Ильича?

И пусть утихла чья-то зависть —
Он сам,
Не только дух его,
Живет, упрямо отрекаясь
От злого выстрела того.

Живет,
А мы ему — по локти.
Я ж до него, наивно пусть,
Все тем же мальчиком неловким,
Привстав на цыпочки, тянусь...

Уехали...

Смяв ковыли, обдув копры,
Промчались ветры грозовые,
И две соломинки живые
Вдруг отделились от копны.

И, ввысь взлетев, каким-то чудом
Держались долго над рекой.
Но что их ждет в стихии чуждой?
И жребий выпал им какой?

Их понесет поток смятенный,
Им плыть и плыть...
Лишь, может быть,
Кому-то в час его смертельный
На миг надежду подарить.

Встают и опадают травы,
Летят года, меняя нрав.
Недавно были мы неправы,
А кто-то был победно прав.

Иные дни, иные даты!
Оратор бьет не в бровь, а в глаз.
Победно правые когда-то
Теперь опять правее нас.

Антихрист

Яузской бумажной мельницы работник Культыгин задумал сани с парусом, а у тех саней два крыла, и ездить они без лошади могут. Катался Ивашка на них на пустырях ночью. А Варваринской церкви поп Михайла донес в приказ тайных дел, что есть у Ивашки умысел, и, схватив, Ивашку пытали, и под пыткой он покался, что хотел выдумать еще телегу с крыльями, да не успел. Сани те сожгли, а Ивашку батогами нещадно били...

Из летописи XVII века

Появлялись те сани
всегда
по глубоким ночам,
и летали окрест,
будто в сказке заморской Синдбада...

**Говорили, что черт
в них стоял и кричал,
хохоча,
так кричал,
 что по избам
крестились
пугливые бабы.**

...Это все началось,
когда тронутый, видно,
мужик
на какую-то надобность
у уставщика
гривенник занял.
Он в кабак не ходил,
нелюдимо
ни с кем не дружил, —
из промерзших досок
мастерил
неуклюжие сани.

Из ремней, мешковины
ладил парус
и прятал в лесу,
а ночами кричал,
раскидавши рогожи
к тому же...
И брюхатая баба
молилась
Иисусу Христу
и просила его
за своего
непутного мужа.

И шептали в народе,
что тут поперечить
не след,

коли черт одолел, —
совладать с ним
натужно и зряшно...
И донес на Ивашку
какой-то бродяжка-пострел,
колобком подкатившись
под злую
поповскую рясу.

В ту же светлую ночь
подвыпивший
посланный дьяк,
позабыв, что подагрой —
заморской болезнью болен,
запихав бороденку
в трясущийся, жидкий кулак,
изумленно глядел,
как летали те сани
над полем.

Безлошадные, быстрые,
вдруг появляясь сквозь снег,
так скользили они,
в пустоту запрокинув оглобли,
что казалось:
все это
в хмельно́м и сивухошном сне,
хоть умри на ветру,
хоть сейчас
от неверия
лопни!

И стоял на санях
непутевый Ивашка-мужик,
аки царь-государь,
лихо выпялив жгучие очи...

...А наутро уже
ребятишки,
 просыпавши жмых,
жались мамкам в зипун,
к давкам
 сызмальства
очень охочим.

При народе честном,
руку леву
 держа на весу,
здоровенный звонарь
зачинал над Ивашкой
глумиться...
И брюхатая баба
молилась
 Иисусу Христу
и просила его,
чтоб не выдал
родного
кормильца...

И не важно, какой
это был
 захолустный уезд,
и не важно сейчас,
какая была это волость,
важно только,
что крест,
на веревочке
 маленький крест
отлетел от груди
и Ивашке
запутался
в волос.

Важно, что мужики,
разговевшись
 воскресным вином,
злые речи кричали,
притопывали ногами...

Расправлялась Россия
с антихристом
и колдуном
и нещадно секла
 свое будущее
батогами!

Смущенное Время

* * *

*Внедряя слово в ясные дела,
Пронизывала жизнь меня, как ветер.
Глядел в нее
Я не из-за угла
И потому немного заметил.*

*Но отразились отблески идей
И то, что любим, и о чем мы ропщем,
В пределах жизни собственной моей,
Как в капле необъятной жизни общей.*

Размышления

о постсоциалистической действительности как
последствии претворения в жизнь передового
учения Карла Маркса, пришедшие на ум элект-
рику Петрову в пивном ресторанчике

Добив неделю трудовую,
Устав от жизни заводской,
Иду в знакомую пивную
Бороться с русской тоской.
Сажусь за столик.
Жду конфуза.
Советский люмпен-гражданин.
Подайте члену профсоюза
Ему положенный графин!

Не подают. Не глядят взглядом. Сиди, мол, тихо
за столом с неконвертируемым, мятым, так называе-
мым рублем. Твои права — отсель доседа, точнее —
нету никаких. А мы пока обслужим шведа — вон он
в дверях уже возник!..

Мышленья нового реальность,
Границ, открытых сгоряча,
В пивную входит иностранец
С подружкой русской у плеча.
Моя мечта — его подружка,
Ночная девочка Руси...
Что ж, выпью с горя.
Где же кружка?

Официантка, принеси!
Она не слышит.
Носит мимо
Графин, и рыбу, и икру:
Страна к чужим гостеприимна,
Здесь только я не ко двору.
Сижу угрюмый и усталый,
Ножом по скатерти вожу,
Как швед, побитый под Полтавой,
На шведа шведского
Гляжу.
Ведь мы их били, как хотели,
С Петром Великим у руля,
Аж перья в Турцию летели
С помятой шляпы короля!
Когда они какао пили,
Пуская трубками дымы,
Мы вдовьим тельником укрыли
Их от коричневой чумы...

Теперь у них в стокгольмах этих ну вовсе нет голодных масс, лишь одного нашли в маркёте, — и тот туристом был от нас... В риксдаге ихнем мало прений: отлажен рынок как часы: там только Нобелевских премий — как на прилавках колбасы. И все ж, обед осилив плотный, крутя баранку «жигулей», все плачет шведский безработный над бедной участью своей...

Туда ни в жизнь я не поеду,
Но и оставшись, все равно
отсель

грозить

Не буду шведу
В Европу закрывать окно!
Ведь этот швед
В костюме гранда
С парижской зеленью очков

Приехал нас учить, как надо
Доить коров,
Растить бычков.
Вот он под ручку с модной Лизой,
С веселой думой обо мне
Бредет, как призрак коммунизма
В отдельно взятой соцстране.
Стране угля, лесов, металла,
Очередей, казарм, могил...
Великий автор «Капитала»,
Ты что-то там перемудрил!

А может быть, мудрили позже, бородку заменив
на ус, когда мы в гимне слово «Боже...» вдруг поме-
няли на «Союз...»? Или потом, когда до корки был
«Краткий курс» зачитан вновь и жил народ по пого-
ворке: чем дальше в лес — тем больше бровь?

Теперь вот снова заварушка.
Немало было на Руси
Экспериментов...
Где же кружка?
Официантка, принеси!
Она глазами шведа ищет,
Буржуйски дергая плечом,
А то, что здесь его могильщик —
Не замечает нипочем.

...Уйду домой на хлеб и воду.
Пусть снова НЭП,
Ну что с того?
Зато к семнадцатому году
Мы разберемся, кто кого!

Похороны шахтера на Сахалине

Здесь места мало для усопших —
Жильем

Унизан сопок низ.

Кладбища здешние — на сопках,
Поближе к небу забрались.

Тропа, могила, вновь могила...

Не лягут в эту землю те,
Кто крепко держит судьбы мира
В неумолимом кулаке.

Для них — иной размах печали,
Иная скорбь, иной оркестр.

А тут — погорбились плечами,
Зарыли гроб, воткнули крест.

И вниз спустились — в тощих стенах
Испить вина за упокой.

На кой им ляд вранье в антеннах
И холод мрамора на кой?

Он был, покойный, из рабочих,
Он не крутил земную ось,
И быть чуть-чуть повыше прочих
Ему при жизни
Не пришлось...

*12 ноября 1982 г.,
сообщение о смерти Брежнева.*

* * *

На русской холодной равнине,
Среди замерзающих рек
Еще не бывало святыни
Святее, чем сам человек.

Но люди, когда погибали,
Спасая родные места,
«За Родину!» — с криком вставали
И падали с криком: — «За Ста...»

И эта великая вера
На фронте, в тылу, в лагерях
Не знала сильнее примера
Ни в тех, ни в каких-то краях.

P. S.
Пускай мы ошиблись в иконе,
Но, праведной местью горя,
Стальные советские кони
Утюжили вражьи поля...

1986 г.

Я видел Ленина в гробу —
Он лыс, как птица марабу...
Но по прошествии времен
Все так же дерзок и умен,
Поскольку вся царева рать
Не может Ленина убрать
Ни с Красной площади, ни с той,
Что кличут главной городской,
Ни из души, ни из умов,
Ни из бараков и домов,
Ни со знамен, что с бахромой,
Ни из Истории самой...

Екатеринбург — Свердловск

Не жаль мне, не жаль мне
Растоптанной царской короны...

Н. Рубцов

Рассерженный город
 с унылым прилавком во чреве,
Укутавший горло
 погибельным шарфом дымов...
Я здесь появился
 в далеком и сладком апреле
И вырос в шершавых
 объятиях стылых домов.
Я знал назубок
 деревянные тайны сараев,
Качанье заборов
 и мысли дворовых собак,
И в играх жестоких
 внезапную кровь утирая,
К прямому удару
 мечтал приспособить кулак!
Забылось былое,
 хмельное, веселое, злое,
Родные бараки
 ушли незаметно на слом.
Но, как археолог
 в культурном копается слое,
Я в памяти роюсь,
 чтоб вспомнить Ипатьевский дом.
Прямой коридорчик,
 в конце — комнатуха налево.
Облезлые стены
 и лампочка в несколько ватт...
Встречала меня
 одноклассница, классная дева

Лет двадцать тому
или, может, чуть меньше назад.
Не знал я тогда,
что под нашим лукавым диваном
Косые ступени
спускаются в сумрачный ад:
Полвека уже
там размеренно машут наганом,
И пули летят,
и невинные дети кричат!
И падает на пол
монарх, не коснувшись иконы,
Собой начиная
эпоху кровавых затей...
Не жаль мне, не жаль мне
растоптанной царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне
расстрелянных царских детей!
Не жаль мне вождей,
укативших в заморские страны
Иль правивших здесь,
но дождавшихся пули своей,
Не жаль мне, не жаль мне
развенчанной славы тирана,
Но жаль мне, но жаль мне
обманутых ими людей!
Они, эти люди,
спускались по гнутым ступеням
К подкрашенной крови
на стенах, на сером полу,
И им говорили:
стоял здесь монарх на коленях,
А дети его,
как звереныши, жались в углу...
Недолго продлились
экскурсии страшные эти,

Был дом заселен,
ну а позже и вовсе исчез:
Смахнул его лидер,
что нынче в Верховном Совете,
Другую рукою
стремится расшатывать Съезд.
Ну что же, и это
извечное русское дело:
Потом разберемся!
А нынче — ломай да круши!
Потешим-ка вволю
в застое застывшее тело,
Авось после драки
минутку найдем для души.
Не знаю, не знаю...
Но в речи любого кумира
Мне слышатся стоны,
предсмертные стоны детей.
Мы верой в кумиров
уже насмешили полмира,
Полмира заставили
плакать от наших идей.
...Ипатьевский домик.
Он был уничтожен в июле.
В застойном году,
до афганских нерадостных дел...
Но вырвались тайно
наружу подвальные пули,
И снова идет
в государстве неправый расстрел.
И снова привычно
встает на колени Россия
Грехи замолить
и своих, и соседкиных чад...
Былое насилие
опять порождает насилие, —

И пули летят,
и невинные дети кричат!
Порой эти пули
завернуты в злые газеты,
Порою их льют
депутаты с высоких трибун.
И очередь та,
что свилась в пулеметные ленты
У всех магазинов,
похожа на зреющий бунт!
А все начиналось
с восторженной веры в кумира,
С иванов, родства
не упомнивших в громе побед,
Которых деревня
с усталой ладони кормила,
Да вот отказала
впервые на старости лет.
А все начиналось
с подвальчика в маленьком доме,
С горячих винтовок,
зажатых в холодных руках,
С проклятия взрослых
в последнем оборванном стоне,
С последней молитвы,
застывшей на детских губах...
Над страшным подвалом
об этом не знали мы двое
И вскоре расстались,
друг друга ничем не связав:
На смерти детей
никогда не родится живое,
Лишь вечные слезы
живут на убитых глазах.

1989 г.

Волчица

Я — волчица собачьей породы,
Не боюсь ни ружья, ни огня.
У колес человеческой подводы
Мои дети сосали меня.

Но пришли
Те, кого и не звали,
Но пришли — и разрушили дом,
Но пришли — и щенят растоптали,
И — хозяину
Горло
Ножом...

Пять ночей я щенят хоронила,
Но, как только последний затих,
Я протяжно, по-волчьи, завывала
И ушла от селений людских.

И однажды, на волчьем рассвете,
Я двуногих двоих
Нагнала.
Где лежат мои первые дети,
Там остались и эти тела.

Там остались собачьи повадки,
Песий брех и щенячий восторг...
К волчьей стае в далеком распадке
На закате привел меня волк.

И по вызову пролитой крови,
И по дикому зову своей
Волчьей стае глаза я открою
На слепые затеи людей.

Здесь, в норе у меня, копошатся
Восемь серых собаководчат.
Научу их флажков не бояться
И ружье от хлыста отличать.

Покажу малышам неумелым,
Как на горло бросаются влет...
И не важно, кто выстрелит первым,
Важно то, что он первым умрет.

Где под звездами стелется стланик,
Где угрюмая воля живет,
Глухо воет мой серый избранник,
Поджимая поджарый живот.

Скоро снова начнется охота,
Но уже и сейчас он готов
Оборвать человеческий хохот
Парой желтых и крепких клыков.

Ну, а если не будет возврата
С той тропы, что костями мостят, —
То в норе подрастают волчата,
И они за него отомстят.

Ураганом прокатятся серым,
Чтобы резать двуногих, как скот.
И не важно, кто выстрелит первым,
Важно то, что он первым умрет...

Смутное время

Вновь на Руси пора настала
Неумных поисков ферзя,
И вновь
Опальные вассалы
Идут в удельные князья.
К державе, скипетру иль митре, —
Лишь помаячит главный приз, —
Уж тянет руки Лже-Димитрий
Или какой-нибудь Борис.
Он на коне въезжает в терем,
Указы крепит на столбе,
Чтоб самого его
Соперник
Чуть позже выбросил толпе.
Меняет челядь и посуду,
О шеи тупит топоры...
Народ безмолвствует покуда,
Но, как известно, до поры.
И лишь газетчики дерзают,
Вмиг перестроившись во тьме:
То крест на криве лобызают,
То руки лживят на письме.
Лукавы скипетр и держава,
И трон, и глас на небеси...
Дотла сжигала эта слава
Безвестных выскочек Руси!
Лишь единиц спасло от праха
Желанье славы и добра
Под тяжелой шапкой Мономаха
Иль треуголочкой Петра.
Лишь единицы живы присно,
Объединив не сгоряча
Екатерининские письма
С народной думой Ильича.

Легко в стране взлететь до неба,
Не обеспечиваясь в ней
Ни золотым запасом хлеба,
Ни прочным золотом
Идей.

Но только легче и скорее
(Тут всем по-разному везет)
Сломать раскормленную шею,
Упав с сияющих высот.
Вот почему следит с усмешкой
Народ, безмолвствуя не зря,
За новоявленной пешкой
На месте бывшего ферзя.

Беглец

Мечтая, видимо, разжиться
На документах (гриф «СС»),
Упрямый летчик, скрытый бес,
Метнул машину за границу.

Он отдалил себе расстрел...
А где-то
В северной глубинке
Седой
Старик
Содрал со стен
Сыновьи солнечные снимки!

Он так казнил их каблуком
И рвал на части аж до пота,
Что и жена его тайком
Не может склеить эти фото...

Память

— Разве можно Россию любить, —
С огоньком меня бес вопрошает, —
За ее неналаженный быт,
За эстетику кваса да шанег,
За ее девятнадцатый век,
За начало двадцатого, если
Революцию делал не верх,
А низы, растерявшие песни?
Даже гений — и тот не нашел
Путь к добру без кнута и елея,
Потому-то сменился престол
Той трибуной его мавзолея.
Шовинисты, державная прыть,
Сотни черных кликуш
Да Лубянка...

...Нынче модно Россию любить
У окошек швейцарского банка.
От монгольских набегов на Русь
До отечественного ГУЛАГа
Тяжек нашей истории груз,
Не выдерживает бумага.
Память помнит.
Она не умна.
Потому-то и дышит любовью,
Заплатив заблужденьям сполна
Русским словом и русской кровью.
Сколь веков эта память болит!
Вот и нынче
Лишь тот не ругаем,
Кто проворной телегой пылит,
Пока мы лошадей запрягаем...
Я рубаху отдал тебе, брат,
Я отдам и коня, и телегу.

Ты же хочешь и «Слово» забрать —
Как без прошлого
Человеку?

Вот на западе — мор да острог,
На востоке — острог да цунами...
Что ж, спасибо хотя бы за то,
Что история боли — за нами.
Что у этих прадедовских мук,
Где смешались и жертва, и ирод,
Не погреть ограждающих рук,
Прикипевшего сердца не вырвать...

Голос

В пыли вселенского разора
Мне голос праведный внушал:
— Спаси хотя бы Русь от мора.
Хотя бы Волгу.
И Урал.
Хотя бы город с храмом древним,
Где юным отроком ходил,
Хотя бы отчую деревню
И горстку дедовских могил...
А не сумеешь — все едино
Умри,
И бог тебе судья,
Но огради хотя бы сына
От сладких снов небытия...
Потом с него, с былинки малой,
Вплетенной в ропот ковыля,
Как в давний век, —
в дали туманной
Начнется Русская земля!

Пьяный корабль

Побежали крысы с корабля
В те края, где есть свобода писка.
Там лежит
Желанная земля,
Там людей не мучает прописка.
Ну а здесь веселие идет,
Тают в трюмах тощие припасы.
Все на корабле наоборот:
Надо бы работать — точат ляды.
Рукава бы надо засучить,
Тайные пробоины заделать,
А потом
Усы в вине мочить,
Да терзать гармонь для сытых девок.
Не бывает горя от ума —
Надо бы трезветь родному люду:
Вон уже распродана корма
За чужую липкую валюту.
Латана обшивка вкривь и вкось,
В днище течь
И мачты на изломе.
Да живут матросы на авось,
Мол, не то бывало в этом доме.
Но, когда надвинутся на мир
Волны небывалого потопа,
На борту прервет команда пир,
Чтобы днище дырявое заштопать.
Засмолит широкие борта,
Трюм набьет едой, наладит песни.
Боженьки седая борода
Весело качнется в поднебесьи!
Капитан, бродяга, русский черт
В разудалом разинском угаре
Женщину возьмет к себе на борт
И по паре каждой новой твари...

Демографический этюд

Рожали бабы и в войну,
Когда мужей свинцом косило...
И невинную вину
Молва по свету разносила.
Рожали бабы, как могли,
И были случаи нередки,
Что вынимали из петли
Их
Подоспевшие соседки.
Мешались чуждые кровя
С кровями Тулы и Рязани.
Но подрастали сыновья
С такими русскими глазами!
Быть может, этим и сильны
Мечи славян и их иконы,
Что незаконные сыны
Всегда для матери законны.
Нам важно было обороть
Врага и в жизни,
И в молитве...
И подымался дух на плоть,
И побеждал в нелегкой битве!

И пусть в иные времена
Иные битвы и скрижали, —
Все вынесет
Моя страна,
Вот только б женщины
Рожали.

Застоявшись в угрюмые годы,
Не умея взлетать в стремена,
Мы на дикие степи свободы
Смотрим жадным зрачком скакуна.
Наши души еще не истлели,
Наши мысли еще не умны,
К нам еще залетают в постели
Ненадежные девы страны.
Ненадежные друзья приходят
Рвать рубаху на тощей груди,
Как в далеком оттаявшем годе,
Что на пару эпох позади.
И уходят (куда — неизвестно),
Подымая на лестнице пыль:
Кто на крест, кто на крепкое кресло,
Кто в Бутырку, а кто и в бутылку...
Как их метит тревожное время,
Как сноровисто ставит печать!
Ведь нельзя, соглашаясь со всеми,
В то же время со всеми молчать...
Может быть,
Отгудевшим бараком,
Что смолкал под вселенским дождем,
Дань отдав пересудам и дракам,
Мы навеки в былое уйдем.
Мы-то что!
Мы — обычная почва,
Но на ней
Для души и ума
Вырастают — пускай шлакоблочно, —
Невозможно другие дома...

Дни рождений

Никто не знает,
в какую эпоху он живет.

А. Ахматова

Год 1945

Мне было минус восемь лет,
Мой облик был еще неясен,
Еще стройтрест и горсовет
Моих не выстроили яслей.

Когда мне стало минус два,
И час любви отцовской пробил,
То мать наметила едва
В воображении мой профиль.

А на отметке нулевой,
Теперь уже такой неблизкой,
Был прерван крик бездомный мой
Тяжелой грудью материнской.

И понеслись мои года,
И замелькали лето, осень...
И все ж родился я тогда,
Когда мне было минус восемь.

Год 1953

Дул по России ветер шалый,
А у домашнего огня
Судьба
Рукой своей шершавой
Тихонько гладила меня.

Я бил ножонкой, будто плавал,
Смеялся я — моя ль вина?
А был в стране великий траур,
Каких не ведала она.

И видел я тогда едва ли,
Да и понятно, если нет,
Как черной ленточкой убрали
В углу
Известнейший портрет.

Потом уже из далей лютых,
Себе по-прежнему верны,
Пришли непонятые люди
Судить историю страны.

Не для сует и ложной славы,
А чтобы знала вся земля,
Чтоб не казались так кровавы
Слепые звездочки Кремля!

Ну а тогда
Была строною
Не понятя ЕГО вина...
И я родился. И со мною
Рождалась новая страна!

Год 1986

Мне тридцать три.
Остап, Илья, Иисус:
В трех ипостасях —
жизней миллионы...
Я эти годы пробовал на вкус,
Я ощущал их странные законы.

Страну вожди беззубые вели
По пятилеткам.
Съезды — будто штампы.
Спились Иисусы. Верили Ильи.
И белозубо скалились Остапы.

А я лопатой землю ковырял,
Крутил баранку, рифмы плел в газету.
К граненой водке руку примерял
И просто так ходил по белу свету.

Трещали киловатты в проводах.
Тряслись телеги. Ухали мартены.
И оседали в жадных городах
Последние российские Матрены.

И всюду: «Перевыполнили план
По тоннам, по надоям, по гектарам!»
Граненый всенародный тот стакан
Все сложности проблем снимал недаром.

Двойную жизнь галерок и трибун
Нечетко эти грани разделяли...
Пусть нам расскажет будущий трибун,
Что мы приобрели,
Что потеряли!

Пусть на скрижалях будущих времен
Проставит год,
Страну в года смурные.
...Мне тридцать три.
Я заново рожден.
Оставим печь.

Зовут дела иные...

1986 г.

Письмо товарищу

В. С.

Когда кайлом вгрызался я
В края
Под низким этим небом,
Работа черная моя
Меня кормила белым хлебом.

От сытых булок тех времен,
От монопольного продукта
Был взгляд мой в небо устремлен,
Душа призывами продута.

Когда, сомнения тая,
Я в спешке изводил чернила,
Работа сладкая моя
Меня не очень-то кормила.

В определяющем году
Десятой нашей пятилетки
Сомненья были не в ходу —
Ну как интимные таблетки.

Кругом пахали, скот пасли,
Росли гектары и надои,
И дачи тайные росли,
И кадры с гибкою спиною.

Районный чин тянул мотив,
Рожденный где-то там, далече,
Сусальной правдою покрыв
Свои блистательные речи.

А я до утренней зари
Понять того пытался чина.

Глотала опусы мои
Редакционная корзина.

Она, чиня свой произвол,
Учила племя молодое...
Иной опарою взошел
На тех призывах и надоях.

А у других судьба была,
Как тихий вызов поколенью:
От пролетарского кайла
К интеллигентскому сомненью...

Пока ты молод и не слеп —
Сотри с эпохи позолоту,
И получи свой белый хлеб
В обмен на черную работу.

1986 г.

* * *

Зачем мне быть к земле поближе?
И так, легко напрягши взор,
Встав на колени,
Я увижу
Любой травиночки узор.

Но нам дано не по ранжиру
Изведать зло и благодать.
Все то, что мучит душу живу,
Чего с колен
Не увидеть...

* * *

Жесток экран,
Газеты хлестки.
Вся жизнь на наш выходит суд.
Но снова старые березки
В стихах кокетливо растут.

Опять на них желтеют листья
И изумляют пестротой...
Хотелось бы, чтоб наши лица
Не затерялись в роще той.

* * *

Пора блестящая эстрады
Прошла — и некого винить...
Но языком суровой правды
С народом надо говорить.

Быть не высоко, не далеко,
Чуть впереди и все же — в нем,
Не в позе вещего пророка,
Но в сущем облике своем.

Не то чтобы лиризмом голым
Душа расслаблена вконец, —
А так... сожжешь сердца глаголом
И не останется сердец...

Предтеча

Ю. Лобанцеву

Ты сидишь, и тверезый, и строгий,
Оказавшийся вдруг не у дел,
Незаконный певец перестройки,
Потому что не вовремя пел.

Нет, в застенках тебя не пытали,
Не совали в лицо пистолет, —
Просто срок на стихи намотали
Да брезгливо сожгли партбилет.

Просто сели спокойные, в силе,
Голоснули, естественно, «за»
И — законно — ярлык налепили,
Намекая: разуй-ка глаза...

Нынче шаткими стали законы,
Но, свершая привычный обряд,
Мимо окон проходят колонны,
Кумачовые флаги горят.

Напрягая железные жилы,
Рвет динамик свои провода,
И несутся иные призывы,
Ты таких не слыхал никогда!

Чем же праздник тебе не лекарство?
Погляди, как ликует земля!
Для великих забот государства
Маловата кручина твоя.

Время новое весело скачет,
И за новое вместе с тобой
Я, быть может, прихлопну стаканчик
И, быть может, притопну ногой,

И в глаза твои гляну босые,
Не умевшие жить, не виня:
Есть ли что-нибудь там для России,
Для тебя самого, для меня?..

1988 г.

* * *

К движенью тяга эпохальна,
Не исторический пустяк...
И это, в общем-то, похвально —
Жить
На высоких скоростях.

Но невозможно, успокоясь,
Смотреть,
Как в наш ракетный век
Своя особенная скорость
Живет в качании телег.

И счастлив тот, кому однажды
Увидеть близко довелось,
Как начиналось время наше
Под гром
тачаночных колес!

Прощание с веком

Двадцатый век уходит от меня,
Уходит, проклиная и виня,
Обиженно, как будто человек,
Уходит от меня двадцатый век.
Он так хотел любить мою страну,
А я ему — Гражданскую войну.
Он так хотел быть веком золотым,
А я ему — Освенцим и Хатынь...

И божий лик нахмурился, суров,
Над прахом неугодных куполов,
Над кровью опрометчивых атак,
Над пеплом Хиросим и Нагасак...

И все же так, наверное, нельзя —
Мы с веком были добрые друзья,
У скважин, и в космической дали
Друг другу помогали, как могли.
Мы жили без особенных затей,
Любили наших женщин и детей,
И вот теперь навек на склоне дня
Двадцатый век уходит от меня.

Но божий лик простить меня готов
За золото спасенных куполов,
За эту жизнь земную, где навек
Уходит от меня двадцатый век.

Уходит от меня двадцатый век,
Обиженно, как будто человек.
И, вовлекаясь в скорбный хоровод,
За ним тысячелетие уйдет.
За то, что наши вины велики,
Оно уйдет и не подаст руки...
Но новое — дай бог, чтоб без невзгод —
Стоит тысячелетье у ворот!

Земная ПЯДЬ

* * *

...И Бог спросил:

— Любил людей

В мороз и в зной,

В слабе и в силе?

— Любил, конечно. Не злодей.

Но все ж меня

Сильней любили...

*— А мир познал? — промолвил Бог,
Садясь на облако устало.*

— Познал, конечно. Сколько мог.

Да только кажется, что мало...

— Ну что ж, тогда иди, живи,

Дели с любым обед и ужин.

Учись у Мира и Любви, —

Ты мне пока еще не нужен...

* * *

Есть такое счастье на земле:
Хочется порою нестерпимо
Думать о любимой, о семье,
Обо всем, что непоколебимо.
Жить, не прячась от обычных дел,
И в каком-то предпоследнем лете
Загрустить, что так и не сумел
Разметать дороги по планете...

Вечные вдовы

В блестящих квартирах столицы,
Среди привозной новизны
Подчас забываются лица
Родных,
Не пришедших с войны.

Но там, где печурки да силос,
Еще не исчезли дома,
В которых война загостилась,
Сводя домочадцев с ума.

Там личико давней девчонки
И мужнин — на снимочках — взвод.
Там желтый листок похоронки
Упрятан в старинный комод.

Посмертные, злые медали,
И воздух, тяжелый на вид...
Каких сквозняков напускали,
Но он, доразлучный, — стоит!

Там даже не в радость обновы:
В кругу размышлений одних
Не суетны
Вечные вдовы,
Платки темноваты на них.

И думаю я молчаливо,
Что женщины эти в платках
Надежней, чем полки архивов,
Историю держат в руках.

* * *

На кладбище — темно и сыро,
Здесь нет печалей и тревог.
Среди рокошущего мира
Пустынен этот уголок.

Он не обжит ребячьим смехом,
Он суетой не заселен...
Лишь в тишину влетает эхо
На крыльях медленных ворон.

Там, за оградой, ветер стонет,
Гоняет листья по земле,
А здесь — покой в покое тонет
И мгла сгущается во мгле.

Сюда от бешеного ветра
Ушли, кто был когда-то жив,
Всю тяжесть сумрачного века
На наши плечи положив...

* * *

Не заставший былую войну,
Поплотнее укутаюсь в книги
И печально
Взгляну на страну,
На ее пробуксовки и сдвиги.
Телевизор, газеты, кино
Мне глаголют печатно и устно:
Кто-то выжал за двести кило,
Кто-то сверху Земле улыбнулся.
И прекрасно, друзья по любви
К нашей общей и гордой державе!
Только гордость стоит на крови,
На великой, на дедовской славе...

* * *

По сути — вины никакой
За то, что не прожито жизнью:
За стоны второй мировой,
За эту усмешечку лисью
Согбенных
 штабных писарей,
За их накладные восторги,
За проволоку лагерей
На западе и на востоке.
Но кто же тогда объяснит,
Чем вышла война и разруха?..
И зря, что ли, сердце теснит
Извечная русская мука.
За то, что вины никакой,
За то, что годами не вышел,
За стоны второй мировой,
За все,
О чем сказано выше...

Не внемля благому рассудку,
Он встал на щербатый порог
И сунул в дорожную сумку
Отечества сладкий дымок.

И хлеб провожальных застолий,
И воду в сыром туеске,
И мудрую горсточку соли
В тугом материнском платке.

Прощайте! Прощения просит
Не блудный пока еще сын...
И вот его снегом заносит,
Дождем заливает косым.

И вот его держит путина
В седых просоленных сетях.
Известно, что блудного сына
За все прегрешенья — простят!

Он хлеб раздарил воробьишкам,
Водою
 он водку запил,
А солью, не мудрствуя слишком,
Далекий пролив подсолил.

Но стоит промолвить не все
Ему про щербатый порог,
Как тут же колышется в сумке
Отечества сладкий дымок...

Жизнь

Россия!

Как сладко весной

На гальке прибрежной усесться,

У малой излуки речной

Проматывать в пуговики детство.

А в юности — жить за двоих,

Зачеты сдавать и бутылки,

В автобусах низких твоих

Держать потолок на затылке.

В армейских шагать сапогах,

Вносить чье-то имя в наколки...

В высоких твоих поездах

Разглаживать верхние полки.

Бессонно — аж веки болят! —

Подслушивать каждый твой шорох

В твоих широченных полях

И в узких твоих коридорах.

А в старости, жизнь вороша,

Над песней гореть лебединой

И знать, что, уж если прошла, —

На этой земле, на любимой...

Земля

Я знал ее,

Не глобус, не планету,

Не крашенные реки и моря,

Не некую абстрактную,

А эту,

Которую крошит рука моя.

Поездов пожилое железо
Не меня согревает в ночи.
Я живу, как за пазухой бога,
Пью чай с молодою женой
И к друзьям уходя ненадолго,
Возвращаюсь надолго домой...
Но бывает: споткнусь на пороге —
Не дожил до седой бороды!
Дуют ветры в походные роги,
Я еще понимаю лады...

* * *

Побродил, покалякал с народом,
Посмотрел, да себя показал...
Был веселым и малость голодным,
Но с причалом не путал вокзал.

Надышался простором России,
Тем, в котором поют соловьи,
До сих пор от пронзительной сини
Раздирает глаза изнутри.

И в одной из районных гостиниц,
Жизнь свою поделив пополам,
Половину ненужную вынес,
Как выносят на улицу хлам.

И, притихший, сидел за стаканом,
Словно Мышкин, прозревший на миг.
И метался над сборищем пьяным
То ли шепот его, то ли крик:

— Научите меня быть жестоким!
Добротой своей

Я не принес
Стольким близким
И встреченным стольким
Ничего, кроме горя и слез.
Научите быть сильным и лютым,
А иначе мне

невмоготу

Знать,
Что где-то
Кручинятся люди,
Осуждая мою доброту...

* * *

Еду лихо. Ветер злющ.
Крикнул я ему сперва:
— Ты чего мне в душу дуешь,
Задуваешь в рукава?

Рядом с дряблыми стволами
Трех деревьев
Вопросил:
— Вы чего здесь повставали,
Ни проехать, ни пройти!

Оглянулся: ворон ветхий
Замер, крылья уроня.
— Ты чего сидишь на ветке,
Смотришь глазом на меня?

Тишина. И поле голо.
Только слышен храп коня.
Видно, фауна и флора
Рассердились на меня...

Я в последнем вагоне, в последнем купе,
На последние деньги качу к Воркуте.
Вот качнуло вагон — и стаканы, звеня,
Кровяными глазами глядят на меня.
И девчонка наладила злые глаза —
Видно, в первой любви наследила кирза.
И старуха, что еле в вагоне видна,
Пьет не чай,
А горячее слово — война...
И державный старик,
Незнакомый с войной,
Входит,
Руки привычно держа за спиной...

От любви, от войны, от тюремной беды
Увези-ка, судьба, да запутай следы.
Не догонит война,
И тюрьма не страшна,
Только злая любовь сторожит у окна...

Полина

Бились в пламени барские кони,
Голосила прислуга в окне...
Я тогда ускакал от погони
На крутом широбоком коне.

Ночевал в подвернувшемся доме,
Где хозяйка меня до утра
Схоронила в веселой соломе
От безбрачия и топора.

Били ветры в лесные ветрила,
Выли волки, уставшие выть...

Так она меня жить научила
И — задаром — свободу любить,

Что потом в мешковатой рубахе,
Сквозь поповской молитвы нытье
Я шептал на разохшейся плахе
Полуночное имя ее...

* * *

— Гляди-ка, правит, как мужчина,
И обгоняет как, смотри! —
Летит красивая машина
С красивой женщиной внутри.

Глаза у женщины одеты
В ресниц тяжелое вранье,
И тонкий профиль сигареты
Приклеен к пальчикам ее.

И над дорожным захолустьем
Взметнулась пыль подобьем крыл.
И вспомнил я:
«Какой же русский...»
— Какая ж!.. —
Кто-то перебил.

Сказал, пошел своей дорогой,
Усмешку спрятав между скул.
Мне показалось — это Гоголь,
Страдая, фразу зачеркнул...

А я в этот дом неуклюжий
Пришел с ощущением вины,
И долго крутился твой ключик
За дверью с другой стороны.

— О господи! Ты! Но входи же!
Зарос бороною... Сутол...
Но тише, пожалуйста тише, —
Недавно сынишка уснул.

А мне... Мне сегодня не спится.
Мне страшно: вон тень на стене.
Какие-то странные птицы
Летают в тревожном окне.

Смотри...
Но неясную руку
Я тронул своею рукой,
И все завертелось по кругу —
Стол, тени, мы сами с тобой...

Да где же мы раньше-то были?
Зима за окошком, зима...
И шепот:
— С ума посходили,
Мы все посходили с ума!

Мне кажется, — ты уже видел, —
Не птицы летают во мгле,
А души любовью убитых
На этой неумной земле.

Смотри...
Но неясную руку
Я тронул своею рукой

И поднял какую-то рюмку
За вечный в душе непокой.

...Пока мы хранили друг друга,
Всю ночь, заметая дома,
Металась над городом вьюга,
И птицы слетали с ума...

* * *

Загустеет светило ночное,
Птицы клювы приладят к перу...
Свойство есть у души сволочное —
Расставаться с людьми на миру.

И тогда-то от глупой свободы,
От своих одиночеств и драм
Ты придешь по остаткам природы
К небольшим человечьим кострам.

За ухой, припорошенной дымом,
Ты почувствуешь — необходим,
И поймешь, что не хлебом единым,
И воспрянешь, что миром одним!

И забудешь ночную усталость,
Всех, с кем встретился, хмуро любя,
Даже ту, что за малую малость
Где-то там ненавидит тебя...

Ключ

Меня не ждали.
Не любили.
Не звали:
«Приезжай скорей!»
И даже ключ переложили
В другое место у дверей.

Вот он блеснул в руке знакомо —
В нем тяжесть, как в стальном ноже.
Обычный ключ...
Но он от дома,
Где нету прошлого уже.

В цепи событий, пусть не сложных,
Сместить не в силах ничего,
Кладу я ключ, как будто в ножны,
В тайник сменившийся его.

И понимаю:
В этом мире,
Где каждый чей-то иль ничей,
Найдется ключ к любой квартире,
Но нету к прошлому ключей!

Ветер

Оглянусь — ни двора, ни кола,
Бродит ветер по сырým карманам...
Ребятишек вот

 куча мала,
Да и те улыбаются — мамам.

Но ведь счастья чужого не крал,
Злого слова про друга не бросил
И рублей никогда не считал,
Если кто-то заглядывал в гости.

Может, книгами был окружен?
Помню, были такие «излишки»...
Изо всех в мире книжек
Для жен
Лучше нет сберегательной книжки!

Ветер в ставни колотит клюкой,
Свищет ветер
 в два согнутых пальца —
Поманила цыганской рукой
Нас лукавая доля скитальцев.

Мы, обнявшись, уйдем от угла
Песни петь о любви и разлуке.
И застынут у края стола
Взгляд дочурки и женские руки...

* * *

Дом родимый покидаю,
Независимость обрел...
Звонко денежку бросаю:
Что там — решка иль орел?

Коль орел, то мне маячит
Путь у левого плетня
К той, которая не плачет,
Но не может без меня...

Ну а решка выпадает,
То вдоль правого плетня
К той, которая рыдает
И не сможет без меня.

На ребро упала — ишь ты!
А из этого ребра
Вдруг жену не сотворишь ты:
Видит бог — не та пора...

* * *

Я стою у холодного моря,
Я один, как покинутый пес.
Это море, наверно, из горя,
Из крутых человеческих слез.

Набегают тайфуны с востока,
Все живое на море губя.
Как жестоко стихия жестока,
Но и ей далеко до тебя!

На песке умирает медуза,
Рядом с нею на сером ветру

Вот он я — никому не обуза —
Одинокой медузой умру...

Я пишу на песке откровенно,
Чтоб твои и мои имена
Зализала веселая пена,
Поглотила седая волна.

Чтобы наше недавнее горе
Вмиг отлив равнодушный унес
В небольшое соленое море
Из крутых человеческих слез.

* * *

Иду-бреду в полсилы,
Неладная судьба.
На краешке России
Стоит одна изба.

В ней места нет, однако,
Изба полным-полна.
И бесится собака,
Как бывшая жена.

Там семеро по лавкам,
Восьмая — на печи,
И кус, который лаком,
Им видится в ночи.

А вот поди ж — впустили
И чай отдали свой...
На краешке России
Такое не впервой.

Мы начинали как могли,
Без удивления друг другом,
И новогодние огни
Горели сумеречным кругом.

Была неясная зима,
То потепленья, то морозы,
И поседевшие дома
С карнизов слизывали слезы.

В глухом квадратике двора,
Где петли ржавые кричали,
Вошла в нас тихая пора
Переоценок и печали.

И не вселялась в тело дрожь,
И не дурманил запах вербный,
И поцелуй был непохож
На тот, весенний, самый первый.

Так почему же, почему
Тебя почувствовал я все же
Родной
По сердцу и уму
В том поцелуе непохожем?

Мы не в мальчишеском хмелю,
И мир наш выстрадан и прочен,
Как говоримое «люблю»
Без уточняющего «очень»...

Однажды в поисках ночлега,
В час полуночный бытия,
Я встретил душу человека
И вздрогнул —
Господи, моя!
Хоть души

 вместе с этим светом
Теряют только мертвецы —
Моя душа, по всем приметам,
Я вижу тайные рубцы!
Дрожа, она смотрела молча,
Владельца бывшего вина...
Когда, какой проклятой ночью
Душа оставила меня?
Я вспомнил драки и бордели,
По лицам вспомнил, по словам...
И те казенные портфели,
Перед какими пасовал.
Я маму вспомнил, вспомнил дочку —
Мы все в разлуке непростой...
Трусливую я вспомнил точку,
Что ставил вместо запятой.
И все просчеты и пробелы,
Примчав сюда издалека,
Нашли меня на свете белом,
Как кредиторы должника.
Пора расплачиваться, что ли,
За каждый день и каждый час,
Что прожит без любви и боли, —
А чем расплатишься сейчас?
В зажженных окнах целовались...
Но, мысли тайные тая,
Душа и тело не сливались
В час полуночный бытия.

Ворон

В тихом омуте, в темной заводи
Черти водятся, рыбы плещутся.
Бродят шорохи, тают запахи,
Шевелят кусты злые лешие.

Уколю плечо хвойной веткою,
О грудную клетку сердце стукнется.
Ворон пепельный, птица ветхая,
Что еще в моей жизни сбудется?

Жил ты триста лет, говорит молва,
Видел слез людских реки студные...
Где растет, скажи, разумеень-трава —
Я понять хочу недоступное.

Как мне жить, как быть,
 как людей любить,
Как мне песни петь вровень с правдою?
Улетит душа, да в неумный быт,
Прилетит душа — чем обрадует?

Не таился я у больших дорог,
В креслах важных я и не сиживал...
Просто жил как мог, и любил как мог,
Да синиц ловил пуха сизого.

Но летели вдаль журавли, трубя,
И будили мысль неотступную:
Где растет, скажи, одолень-травы, —
Я поймать хочу недоступное.

Ворон выслушал, слово выронил
И исчез вдали, глазом лупая.

Крылья погнуты, перья вырваны,
Что с него возьмешь — птица глупая...

Мимо омута, мимо заводи
Ухожу я прочь с думой трепетной.
И звучит в ушах: «А не знамо, где!»
И летит в глазах ворон пепельный...

* * *

Когда страны шальная сила
Зовет — ты в думах о себе...
Вон для горбатого могила —
Как поворот в его судьбе!

Тебе ж не будет поворота,
Тебе нести свои грехи
Еще вон до того болота,
До той заплаканной ольхи.

До той издерганной осины
С петлей, истлевшей до конца,
Напоминанием о сыне,
Не знавшем духа и отца...

* * *

Я отдыхаю у скалы.
Для ностальгии нет причины.
И моря дряблые морщины
Мне непривычны, но милы.

И синевы крутой замес
В котле небесном, бирюзовом...
Все это надо бы занести
В блокнот
Рисунком или словом.

Но мой упрямый карандаш,
Не вынося покоя боле,
Рисует северный пейзаж
С вороной мокрой на заборе.

* * *

Таинственный нерест лососей,
Подводный, стремительный ход...
Тогда у природы под осень
Вскипают артерии вод.

Лососи спешат отметаться:
Вконец обессилев от ран,
И — мертвыми — вяло качаться
На скорбном пути в океан.

Уроки природы нелживо
Напомнят и нам свой черед:
То, что полезно и живо —
Против течения идет.

* * *

Бродяга-пес, костяшек гряда,
Из тех, что голодны всегда,
Что возникают ниоткуда
И исчезают в никуда.

А я сказал ему:
— Здорово!
Какой ни есть, а младший брат... —
А я купил ему в столовой
Дешевый полуфабрикат.

И мы с ним бегали по лужам,
Рыхлили рыжую листву...
Как важно быть на свете нужным
Хотя б такому существу!

Жук

Вот вернулся — и дверь на крючок,
Надоели пустые доклады...

У печи восседает жучок,
Как хозяин: мол, что тебе надо?

Я не то чтобы там ошалел,
Или был в неособенном духе,
Просто взял — и жука пожалел,
Разрешил ему шляться по кухне.

Флоры царь, да и фауны царь,
Я и сам как жучок завалящий,
И безгласная божия тварь
Мне милее иной говорящей...

* * *

Пора путешествий настала...
У детства еще на краю
В задымленном центре Урала
С дорожной котомкой стою.
Зеленый, прямой и неслабый,
Такой и немножко сякой!
Мне шаг до улыбчивой славы
И два — до тюрьмы городской.
И три — до классической, ветхой
Суровой и тощей сумы...
...Ни то, ни другое, ни третье
И в тридцать не сбило судьбы.
Слепые могучие силы!
Я был в сантиметре от них,
Но что-то меня уводило
В последний решающий миг.

И это незримое что-то —
Прощайте, тюрьма и сума! —
Старинная, злая работа,
Работа души и ума...

* * *

Есть несколько сводных отцов у меня:
Один подковал мне в дорогу коня,
Другой проводил и сказал: «Хорошо».
А третий, нахмурившись, мимо прошел.

Есть несколько братьев, пускай не родных:
Слепая судьба погубила одних,
Другие — в дороге...
Нередко назад
Их взгляд обращается: где же ты, брат?

Сдвигаю за плечи котомку свою
И слышу, как плачет в родимом краю,
Судьбу о нечаянной встрече моля,
Одна-одинешенька мама моя...

Дуда

Поэт эпохи триедин:
Вот Блок, Есенин, Маяковский —
Отец и дух святой, и сын...
Мы носим божии обноски!
За девять лет, советских лет, —
Нам предстоит осмыслить это, —
Недуг, петля и пистолет
Замкнули краткий путь поэта.

Увял торжественный венец...
И с той поры — такая жалость! —
Есть на Руси и швец, и жнец, —
Вот только дудка залежалась.
Немой обет ей ведом был —
Почти полвека пролежала,
Когда Некрасов уронил
Ее на смертное одеяло.
А нынче — так уж повелось —
То плач загробный, то побудка,
То кличут вкривь, то тянут вкось,
Но это все
 другая дудка...

* * *

Я зависть прячу к двуязычным
Счастливым жителям страны,
Что и культурой, и обличем
Для двух народов рождены.

Как им, должно быть, вольно в мире,
Освоив оба языка,
Вещать —
В столичной ли квартире,
В степной ли юрте бедняка.

Быть на слуху у всех
И снова
Вещать пророком без вины...
Но речь звучащая
И Слово
Не обязательно равны.

Бумажный лист развеет имидж,
Он беспощаден и не льстит:
Чужой язык тебя не примет,
Родной — невольно отомстит.

И будешь мучиться до гроба,
Догадкой тайною томим,
Что знаешь, вроде бы, их оба,
А не владеешь ни одним...

* * *

Был Пушкин.
Лирой голосистой
Сердца людские покори́л...
Но лес поэзии российской
Намного раньше
Зелен был!
И был бы он, густой и пряный,
Подобен малому леску,
Когда б не отрок тот упрямый,
С обозом въехавший в Москву.
Когда б не он,
Вернувший снова
Строке
 обыденную речь...
Когда б не трепетное «Слово»,
Что чудом удалось сберечь!
И быть бы лесу чуть редее
И суше быть, наверняка,
Когда б не странная затея —
Петь на морозе — ямщика...
А Пушкин —
Он на то и Пушкин,
Был так величьем осиян,
Что этот лес назвали пущей,
Могучим бором россиян.

* * *

Знакомясь с незнакомыми людьми,
Дыша серьезным воздухом эпохи,
Я не хмелею больше от любви, —
Простите мне лирические вздохи.

В кругу друзей, у светлого окна,
Подняв бокал за музу и за знание,
Я не пьянею больше от вина, —
Простите мне невольное признание.

Ну а когда небесный полумрак
Опустится до самой низкой крыши,
Я понимаю:
Это все не так, —
Простите мне написанное выше...

* * *

Подарили — и вот чудеса!
То щегол засвистит, то синица...
Как умеет на все голоса
Распевать иностранная птица!

Я ей выдам за это еду.
Доверяя отцовскому дому,
По скрипучему полу пойду
О таланте додумывать думу.

Припекло — не могло не припечь,
Никакими ночами не спится!
Половица умеет скрипеть
Только так, как скрипит половица.

Но зато, если вдруг от тебя
Будет родина верстами скрыта,
Затоскуешь, родное любя,
Занедужишь без этого скрипа...

* * *

Уходит веселое время,
И видится жизнь без прикрас...
Давно ли мы были не теми,
Какими вы знаете нас!

Читали стихи торопливо
И кружки держали в руках,
И так же как пенилось пиво,
Так пенились чувства в стихах.

Душа будто кружка, не боле,
В ней было веселье одно...
Но мудрые капельки соли
Уже оседали на дно.

И вот оно — утро похмелья!
Горланят вовсю петухи...
Исчезло бывшее веселье,
И чуть поостыли стихи.

И стали свиданья — пореже.
Убавилась тяга к вину.
Кого-то супруга манежит,
И кто-то манежит жену.

А зрелость — все ближе, все ближе...
И я повиниться хочу:
Кумир мой
Становится ниже —
Хоть хлопай его по плечу!

Но как бы там ни было,
Вроде
Мы живы
Для смеха и слез...
Веселое время уходит.
Приходит работа всерьез.

СТИХИ

А там, в Москве, в пучине мрака,
В шинели он смотрел на свет,
Не понимавший Пастернака
Суровый жесткий человек.

Наум Коржавин

В разбухарившихся газетах,
В журналах, руганных зело,
Стихи неизданных поэтов
К нам проступают тяжело.

Они похожи на паяца,
Который тем и знаменит,
Что как-то раз не убоился
Царя в убийстве обвинить.

От их надтреснутого слова
Не защищали до конца
Ни кунья шуба Годунова,
Ни френч недавнего «отца».

Они верны другим заветам
И не меняют образа,
Как эти «смелые» газеты,
Что смотрят преданно в глаза...

1986 г.

Земная пядь

В краю, где сгорбились убого
Могины всей моей родни,
Мне в ноги кинулась дорога:
— Родимый,
Мимо не пройди...

Я не прошел — спросил у ветра,
Что рыскал всюду без стыда:
— Где тут *живет* могила деда,
А ну, води меня туда!

Кресты шатались и скрипели,
Цеплялась за ноги трава,
И птицы темные летели
Сквозь негустые деревья.

И я, открыв хмельную флягу,
Присел на ту земную пядь,
В какую сам когда-то лягу,
Чтоб внука в гости поджидать...

Подорожник

Каждой травке — жизнь своя,
Свой удел и срок.
Подорожник — он не зря
Вырос у дорог.

Чистотел и зверобой
Спрятались в кусты.
Подорожник — под рукой,
Вот его листы.

Очень он неприхотлив,
Неказист на вид,
Но — излечит ваш нарыв,
Рану исцелит.

И уже который год,
Говорит молва,
Вслед за путником идет
Добрая трава.

Избушки

Я уехал в деревню, кляня
Суету своей жизни в столицах,
И встречали избушки меня
Со старушечью святостью в лицах.

Доживая последние дни,
Обрастая травой весенней,
Так спокойно глядели они
На шаги двухэтажных строений!

У старух, восседающих близ,
Те избушки спокойствие взяли,
Что-то сходное в облике изб
Было с обликом их же хозяек.

Перед тем как навеки уйдут,
Все они пригибаются,
Вроде
Долгий-долгий поклон отдают
Жизни той, из которой уходят...

Деревенское

Я — из города нервного гуда,
Я держать не умею косу.
На судьбу деревенского люда
Я невесело глазом кошу.

Непонятны мне клетки, ограды,
Злые псы, что цепями бренчат,
И воскресные эти парады
Возле клуба
Широких девчат.

Стоит раз посидеть у избушки,
Обронить разговор о судьбе,
Как у каждой замшелой старушки
По сужденью уже о тебе.

Все-то знают!
Ответят — спроси лишь! —
Где я жил, на каком этаже,
И о том, что брожу по России,
Потому что я холост уже.

Загляжусь на красивую Любу,
Не успею и слова сказать —
А всему деревенскому люду
Тут же хочется свадьбу играть.

Лишь один этой свадьбы не хочет,
И правило держа на весу,
Он умело и яростно точит
Будто нож, голубую косу.

У ворот, желваками играя,
Будет ждать он меня дотемна...
Эх, деревня!
Прабабка родная!
Кто сказал, что исчезла она?

* * *

Была деревня так тиха,
Что слышно, как вздыхают бани,
Как будто сдвинули меха
На утомившемся баяне.

А ведь недавно — боже мой! —
Я здесь гулял столичным фертом,
Еще весной, еще зимой,
Еще той осенью и летом.

И свадьба спешная моя
Под песню, спетую удало,
На отдаленные поля
Веселым эхом оседала.

Совсем недавно, в меру пьян,
Я так плясал под эти звуки!
Так щедро сыпался баян
В мои расставленные руки!

Теперь деревня так тиха,
Что слышно,
Как вздыхают бани.
И расползаются меха
На старом дедовском баяне...

Бедо одной на свете скучно,
 И, объявляясь у ворот,
 Она, как будто так и нужно,
 Другую
 За руку ведет.
 А у другой,
 В одеждах темных
 запутываясь на ходу,
 За юбку держится детеныш,
 Который вырастет
 В Беду.
 И будь готов принять как надо
 Гостей из дальней стороны:
 Дай первой
 горстку самосада,
 Второй же — шлепанцы жены.
 А третьей, выведав про имя,
 Дай все, чего та ни спроси...
 Как чересчур гостеприимно
 Встречают беды на Руси!

Смеются, головой кивают,
 Упрямо тянутся к вину,
 Покуда гости заменяют
 Ушедших
 Дочку и жену.

Трудный день

Через весь поселок протащиться,
 Забежать на сытый этот свет,
 Чтобы красным глазом продавщицы
 На тебя уставился буфет.

Посмотреть, как сладости-конфеты
Покупают юные юнцы...

— Это что, котлеты?

— Да, котлеты.

— Ну а это?

— Это? Голубцы.

Хорошо б небрежною рукою
Похрустеть коричневым рублем!..

— Ясно. Мне бы что-нибудь такое...

— А такого мы не продаем!

И не надо!

Дома — корка хлеба.

На столе — граненая вода,

Да в окне — кусок живого неба:

Все, что нужно людям иногда...

* * *

Твой дом. И прямо от порога,

От той калитки, где навес,

Моя вечерняя дорога

Уходит в темный-темный лес.

Костлявый зад большой телеги

Вдали теряется во мгле...

Летает птица в темном небе,

Проходит лошадь по земле.

А у обочины размытой,

Где грязь, и глина, и песок,

Стоит и гнется позабытый,

Чуть-чуть сутулый колосок.

Он одинок в холодном поле.

Над ним — холодная звезда.

И в холодеющем просторе
Стучат на стыках поезда.

Как уезжаю я навеки
Туда — за поле и за лес!
У птицы есть гнездо на ветке,
И есть у лошади навес.

А я сегодня весь из боли,
Я неприкаян и высок,
Как колосок несжатый в поле,
Несжатый в поле колосок...

* * *

В горячих трубах ветер свищет лихо,
На крышах снег кончает свой полет...
А где-то за морями
Журавлиха
Своих детей уже не узнает.

Она печально шею выгибает,
Оглядывая спутников живых.
Случается, что птицы погибают
Над морем
В темных брызгах
Штормовых.

А те, что прилетают на рассвете
На реки этой солнечной земли,
Совсем уже не маленькие дети,
А взрослые, седые журавли.

Над камышами царственно и тихо
Летит, толкая воздух в два крыла,
И думает печально журавлиха
О родине, где матерью была...

Петух

В деревне этой на отшибе
Шепчу: — А ну-ка! —
Крикуну,
Пока он крылья небольшие
Смешно вонзает в тишину.

Плетень высокий оставляя,
Летит
И смотрит свысока...
Пусть траектория кривая
Не выпрямляется пока!

Орлам не трудно
 в высях горных
Парить
Почти-что весь свой век.
Так рыбы плавают в озерах,
Так ходит твердо
Человек.

А петуху, судите сами,
Характер надобно иметь,
Чтоб с неуклюжими крылами
Десяток метров пролететь...

* * *

Увозят старые дома,
Сломав на бревна и осколки,
Как будто старые тома
В макулатуру с книжной полки.

Я не прошу их сохранить,
Став наблюдателем сторонним,

Я их прошу похоронить,
Как мы родных своих хороним.

Чтоб век спустя на месте том,
Где по осколкам бродит солнце,
Стояла надпись:
«Здесь был дом
В четыре солнечных оконца».

И станет ясно пацану,
Что знает грамоту с пеленок,
Как жили прадеды в доме,
Внутри известкой побеленном.

Быть может, он поймет тогда
И ужаснется, не поверив,
Что мы спасались в холода
Телами мертвыми деревьев.

Не плачь о сломанной судьбе,
Отживший дом, роняя ставни,
Ведь лучший памятник тебе —
Жилище из стекла и стали.

Поленом в чьей-нибудь руке
Ты станешь и в огне растаешь,
И только где-то в уголке
Одно бревно свое оставишь.

Кому-то в будущем дано,
Держа пластмассовую спичку,
Прочесть трухлявое бревно,
Как пожелтевшую страничку.

* * *

Он у стены сидел устало
И слушал брань своей жены.
Спина прямая повторяла
Прямую линию
Стены.

Ну а когда он встал со стула,
Чтоб выйти в двери навсегда,
Была спина его сутула,
Как и во все его года.

А в доме том — уж так случилось —
Другой опоры не найдя,
Стена прямая покосилась
От ветра, снега и дождя.

Чего ей, деревянной, мало?
Вон и пылинки сметены...
А ей всего-то не хватало
Надежно сгорбленной
Спины.

Среди раскатов гроз страшенных
С напевом капель на плетнях
Блаженны лица всех блаженных
В глухих российских деревнях.

В насквозь промоченной рубашке,
С облезлым крестиком, босой,
Стоит какой-нибудь Ивашка
Или Емелюшка какой.

Лицо его таит заботу,
В глазах его — небесный свет.
И вовсе он не близок богу,
Какого, может быть, и нет.

А просто с болью в гуле громком
Природа с сыном говорит.
И необласканным ребенком
Он перед матерью стоит.

Не пряча вечную улыбку,
Он с непосредственностью всей
Прощает страшную ошибку
Жестокой матери своей.

Потом стучится в чьи-то сени,
Устав стоять как манекен,
Забыв про тайное прозренье,
Что не замечено никем,

Чтоб петь и плакать при народе,
И мямлить что-нибудь свое,
Как обвинение природе
В слепой жестокости ее!

Тамарка

Качают мартовские лужи
Луны волнующий овал,
А я хмельной и неуклюжий
Тебя целую наповал!..

И эта ночь в начале марта,
Цыганкой в комнату войдя,
Тамара, Томочка, Тамарка,
Мне все расскажет про тебя.

Была ты грешной и святою,
И недоступной, и простой,
Но не была ты под пятою
И не бывала под фатой.

И эта ночь в начале марта,
Вовсю монистами звеня,
Тамара, Томочка, Тамарка,
Тебе расскажет про меня.

Знавал и я огонь и воду,
Судьбою бит и в глаз, и в бровь...
Как ни раскладывай колоду —
Все получается любовь.

А ты и ровня мне, и пара —
Так наливай скорей вина!
Тамарка, Томочка, Тамара,
Ты будешь мне теперь жена.

...Качают мартовские лужи
Луны волнующий овал,
А я хмельной и неуклюжий
Тебя целую наповал.

Сахалинское

Спирт маскируется под воду.
И я доверчивой судьбой
Хлебнул жестокую свободу,
Не разведенную водой.

Уже давно друзья пропали
В цветах благополучных свадеб.
А я все пьян от этой дали,
Куда им некогда писать.

Как и у них в столицах стольных,
Есть у меня своя жена.
Но пусто прежнее застолье...
Свобода выпита до дна.

Белая поляна

Я лесом шел, шатаясь пьяно,
А был не пьян я — просто мне
Светила белая поляна
В морозной леса глубине.

Она светила издавека,
И знал я точно, что за ней
Лежит надежная дорога
Из двух ложбинок от саней.

Я продирался в лес вечерний
В снегу едва не по груди,
Но только белое свечение
Все время было впереди.

И горько думал я: «А если
В наш век ученый и стальной
Былые лешие воскресли
И шутят шуточки со мной?

А если я, шагая рьяно,
Гигантский делаю вираж
И эта белая поляна —
Обман, видение, мираж?»

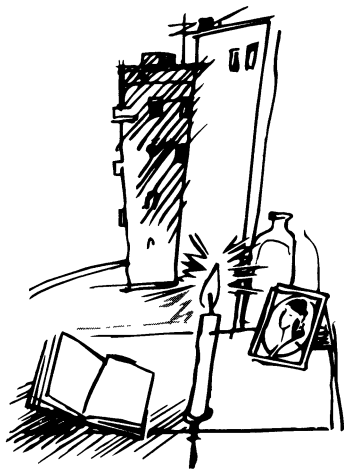
Я даже стих в испуге было,
Услышал даже волчий вой...
Но впереди она светила
Своей проклятой белизной!

И с той поры, куда ни гляну,
В любой земле, в любом краю
Я вижу белую поляну,
Недостижимую мою.

Она в любви, в работе, в слове...
Я бьюсь о быт до синяков, —
Но потому еще не сломлен,
Что вижу свет
Её снегов...

Вторая **ЖИЗНЬ**

Переведенное стихотворение

Чужой песок — на дне колодца.

Чужой скакун — всегда ретив.

Чужая песня

Не поется

На свой излюбленный мотив.

Но вот ее душа коснулась,

Ей разум

Крылья оперил —

Как птица, песня встрепенулась,

Почуяв силу новых крыл.

В чужой простор другого края

Влетает песня, как своя.

Вторая жизнь.

Судьба вторая.

Второе горло соловья...

ИРЕК КИНЬЯБУЛАТОВ

Громоотвод

Стоит бессменно на посту
Стальной громоотвод.
И тянет шею в высоту
Над мглой земных забот.
Неброско мужество его,
И, видно, потому
Никто не знает, каково
Приходится ему.
Слепые молнии маня
Возвышенной судьбой,
Под гневом вышнего огня
Он гасит их собой.
Когда гроза гремит окрест,
Разрядами слепя,
Удары грозные небес
Берет он на себя...

Поэт, коль любит он народ,
В какой бы век ни жил,
Живет, как тот громоотвод —
Под гневом вышних сил.

Белая рубашка Миассара

Миассару Басырову

Летят года,
Душа клокочет старо.
Слабеет память, чувства улеглись.
И все же сердце помнит Миассара,
Его лихую, яростную жизнь.
...Тогда я в дождь приехал из Сибая,
В рубашке белой, с бедным сундучком.
И в комнатке твоей стихи читая,
Мы не нуждались более ни в ком.
Но дождь прошел.
На улицу мы вышли.
Вокруг — озера ливневой воды...
Вдруг грузовик обдал меня —
Чуть выше
Моей неоперенной бороды!
Ты был подальше.
Будто коршун с неба,
Ты подлетел туда, где я скорбел,
И снял свою рубашку чище снега,
А сам мою «пятнистую» надел.
Да что рубашка, —
Мелочь та рубашка!
Ты помогал, по-дружески любя,
Буквально всем, кому бывало тяжело...
Ты брал вину чужую на себя!
...Прошли года,
Перевороты,
Войны,
Давно я износил рубашку ту.
Но только лишь сейчас, быть может,
Понял
Одну твою заветную мечту:
Мой буйный друг!

В доверчивом размахе
Хотел ты видеть мир твоих времен
В такой же белой праведной рубахе,
В какой был сам чуть позже погребен...

Улу-Теляк, 1710-й километр

Здесь 4 июня 1989 года
после трагедии с поездами
«Новосибирск — Адлер»
бульдозерами были захоронены
останки сгоревших людей

Не счесть могил на поле боя
Войны, упрятанной в года:
Под каждой ночной звездой
Стоит фанерная звезда.

Но и под этим мирным небом —
Кому наш край не угодил? —
Поля, засеянные хлебом,
Лежат подобием могил.

Бульдозеры, урча, как танки,
Сгребают страшный чернозем.
Кричат безмолвные останки
Под металлическим ножом.

Земля башкирская, собираем
Вновь урожай твоих утрат, —
Тебе начертано быть раем,
Зачем ты превратилась в ад?

Кошунству нет преград отныне,
Оно в бульдозерной броне...
Не потому ли сердце стынет
И ненависть кипит во мне?

Хлебная страна

Пишут мне: у отчего крыльца
Запуржила хлебная пыльца, —
И уже в глазах моих она,
Золотая хлебная страна.

Сорок дел закину, опьянен,
В сорок сороков земных сторон,
И дорогу выберу одну —
В золотую хлебную страну.

Здесь и тишь, и божья благодать,
Здесь живет моя старушка-мать,
Здесь в полях, засеянных отцом,
Я в колосьях прятался мальцом.

Постоянно в памяти друзья —
Мне без этой памяти нельзя:
Тяжело или тревожно мне —
Я спешу к родимой стороне.

В новой жизни, в гуще городской
Ни простор немислим, ни покой,
Бережет-врачует лишь она,
Золотая хлебная страна.

Час придет — забуду, утомлен,
Сорок сороков чужих сторон,
Чтоб закончить долгий путь земной
И остаться с хлебной страной...

Прекрасен мир, подвластный Богу.
Он бесконечен —
Оттого
И десять жизней не помогут
Познать величие его.

Я в этом мире появился
Гореть, как пламя на юру...
Я лишь однажды здесь родился
И лишь однажды здесь умру.

И коль оставлю хоть немного
Кому-то света и тепла —
Не укорю, сгорая, Бога,
Что жизнь единожды была...

Один лишь раз

Слова любви сказал тебе я,
Не в силах в сердце удержать.
Один лишь раз сказал, робея,
И лишь тебе их мог сказать.

Один лишь раз могу поклясться,
Ведь клятва — это не намаз.
Не могут клятвы повторяться,
Их говорят один лишь раз.

Вот так и мы на свете — каждый —
Чтоб пламень жизни не угас,
Приходим в этот мир
Однажды
Гореть, как пламя, только раз.

Мой бог

Соблазны жизни возлюбя,
Я слишком не берег себя,
Но в вихре жизненных дорог
Меня спасал незримый бог.
Пересекал моря не раз —
Меня мой бог от бури спас.
Живым я вышел из огня,
Поскольку бог хранил меня,
В лесной глуши и среди скал
От верной гибели спасал,
И даже в пропасти земной
Мой бог незримо был со мной.

...И вот я вышел из огня,
Я выплыл из воды,
Мой добрый бог, храни меня
От зла и клеветы!
Немало пройдено дорог,
Грехов былых не счесть.
Храни меня, мой добрый бог,
Коль ты на свете есть!
Смотри: по улице скользя,
Сердито хмурия бровь,
Уходят милые друзья
И старая любовь.
Верни их!
Но на склоне дня
услышал я ответ:
— Ты просто выдумал меня,
меня на свете нет...

Прошедшее попробуй-ка верни!
Всю жизнь ища потерянное мною,
Я бесполезно прожитые дни
Переживаю бедною душою.
Былое не вложить, как в ножны нож,
Пред эту потерей все ничтожно:
Прошедшее обратно не вернешь,
А день грядущий потерять возможно.
Поэтому отбрось благую лень,
Живи, всего себя даря кому-то,
Как будто ты живешь последний день,
Последний час, последнюю минуту...

Клесты

Где иней в елях серебрится
И льдом закована вода,
Там вновь
неправильные птицы
Играют свадьбы в холода.

Еловый бор под снегом гнется,
Летят ветра со всех концов...
А эти птицы строят гнезда
Для ожидаемых птенцов.

В разгар зимы, в буран извечный
Птенцы выводятся себе
С особой меткой человеческой
На неприкаянной судьбе.

Верны застуженному бору,
Они не рвутся в теплый рай...
Рожденные в лихую пору
Не покидают отчий край.

Дороги

Вверху — векового озона
Синеет продырявленный зонт,
Внизу — за чертой горизонта
Маячит другой горизонт.

О, вечная жажда дороги,
Кочевий зеленая кровь!
Усталые конские ноги
Пронесут судьбу и любовь.

Дороги мужчин проверяют,
Судьбе прибавляя морщин.
Дороги мужчин убивают.
Дороги рожают мужчин.

Пойму, подбивая итоги,
На склоне последнего дня:
Вся жизнь пролетела
В дороге, —
И мир не обидел меня!

Пыль отряхнув бесчисленных дорог,
Ступаю на отеческий порог.
Мать отлучилась на закате дня,
Но дом —
Ее наказом —
Ждет меня.

Ворота — настежь, двери — наотлет,
Мой старый дом меня годами ждет
И молча смотрит из-под дряблых век,
Обиженно, как близкий человек.

Все в доме как всегда: ночлег, еда.
Но мама отлучилась
Навсегда...

Утес, звезды и человек

Главой ночных касаясь звезд,
Храня земли покой,
Могуче высился утес
Над лесом и рекой.
Стоял угрюмо
Властелин
Заоблачных вершин,
Но только жителям равнин
Казался он большим.
Хоть в те, хоть в эти времена,
Во все его года
Над ним была еще луна,
И солнце, и звезда.
Они сияли огнево
Бессчетные века
И на величие его
Глядели свысока.
Чего он тянет кверху нос,
Что он вселенской мгле?
Какой-то маленький утес
На маленькой Земле...
И меньше — только человек,
Что лампу засветил
И рассчитал Вселенной век
И ход её светил.
На карту он звезду нанес,
Разметив небосклон,
И солнце, и полтыщи звезд
Нанес на карту он.
По карте водит он рукой,
Умна его рука!
И смотрит — маленький такой —
На звезды свысока...

Песня отца

Вспоминала мать родимая
Про старинные дела:
— У отца одна любимая
Песня-песенка была.
В ней у дерева зеленого
Отдыхал усталый конь,
Сердце юноши влюбленного
Полыхало, как огонь...

Вот и я, — отец, прости меня! —
Твою песню запевал,
Потому что был любимым я
И отвергнутым бывал.
Были в ней слова горячие
Про тебя и про меня,
Про глаза любви незрячие,
Про дорогу и коня.

Пролетело время славное,
Невозвратностью маня,
Отпылала белым пламенем
Юность пылкая моя.
И ее припомнив, светлую,
Отпылавшую мою,
Сыну песенку заветную
Я однажды пропою.

Сын взлетит над конской гривой,
Конь закусит удила...
Скажет сын:
— Одна любимая
Песня у отца была.

Слово

Трава иссохнет, ветер пыль погонит,
Мелея, сгинут реки без следа...
И только слово не горит, не тонет,
Пред ним бессильны пламя и вода.

Оно живет в народе, как основа,
Как смысл,
Что сердцем нации рожден...
Моря времен преодолее слово
И устоит под бурями времен.

ГУЛЬФИЯ ЮНУСОВА

Стадион

Мы были молоды с тобою
В былой спортивной суете:
Летело тело молодое
От старта
К финишной черте.

Летело тело, знало дело,
Средь поражений и побед...
Вот так же юность пролетела,
И мне уже немало лет.

Но я юна еще, как видишь,
Еще горит в груди азарт,
Еще далек мой близкий финиш
И близок мой далекий старт...

Зеркало

Женщина у зеркала стоит,
Женщина на женщину глядит.
Зеркало, покорное судьбе,
Отражает женщину в себе.

Женщина красива и добра,
У нее прекрасная пора,
Гордый бюст и девичий живот...
Зеркало страдает и живет.

Земляника

Жили мы в деревне дикой,
Где закаты на крови...
Пахли губы земляникой,
Сладкой ягодой любви.

Опьянев от спелых ягод,
Чехарду земных забот
Мы загадывали на год,
А разгадывали год...

И теперь в деревне дикой,
Где закаты на крови,
Пахнут руки земляникой,
Сладкой ягодой любви.

Давний запах спелых ягод,
Запах юности, кружись!
Мы загадывали на год,
А уже промчалась жизнь...

* * *

Ты прав. Она меня добрее,
Она красивей и умней.
Она сильнее, веселее,
Характер сдержанней у ней.

Я не хочу себя обидеть,
Но, зная, прошла моя пора...
Ее мне надо б ненавидеть,
А я желаю ей добра.

С моей любовью безответной
Уйду я в новое жилье, —
Пусть только любит беззаветно,
Как я любила до нее...

Осень. Бабье лето

Вот и наступило бабье лето —
Теплые деньки в объятьях света.
Низенькие клумбы перед нами
Отцветают поздними цветами.

В парках разгораются рябины,
В душах растворяются обиды.
Пауки в серебряных ботинках
Улетают вдаль на паутинках.

Лето было хмурое и злое,
Лето разлучило нас с тобою:
Меж твоим прощаньем и приветом
Как я замерзала этим летом!

Ну а осень выдалась другая:
Я горю рябиной, не сгорая,
Я с тобой, любимый, все забыла —
Это бабье лето наступило...

* * *

Любовь, ликуя и скорбя,
Свои причуды преподносит...
Ты любишь тех, кто на тебя
И взгляда беглого не бросит.

Готовься к новому в судьбе:
Я не хочу тебя обидеть,
Но, чтоб понравиться тебе,
Тебя мне надо ненавидеть...

* * *

— Не согреет траву ночная луна,
Без тебя проживу! — так сказала она.
И наладилась жить, чтобы в мыслях благих
И себя убедить, и его, и других.

Не спала, как сова, пряжу жизни пряла,
Роковые слова превращая в дела.
Пряча душу в кулак, не встречаясь ни с кем,
Не заметила, как стала старой совсем.

Вот и все, наконец, стало сразу легко:
И сама молодец, да и слово крепко!
Отчего ж дотемна, не стыдясь никого,
Все рыдает она на могиле его?

Сплетня

Вода течет куда захочет,
Стремится вниз — и все дела.
Вода по капле камень точит,
И, плача, рушится скала!

Вот так и сплетня:

капель пеньем
Судьбы твоей нарушит тишь, —
И даже с каменным терпеньем
Ты перед ней не устоишь...

Четыре ножа

По народным поверьям,
стальной нож
оберегает душу ребенка
от нечистой силы,
от неправедных
дорог в будущем.

...А первый нож был мастер первый:
Своей работой упоен,
Он резал хлеб, вскрывал консервы,
Вино откупоривал он.

Второй клинок в другом был дока,
Он не блистал трудом в миру,
Но хладнокровно и жестоко
Поранил гостя в том пиру.

Утихли крики дикой брани —
В больнице не до куражу,
А жизнь спасти того, кто ранен,
Досталось третьему ножу.

Где ж нож четвертый?
В колыбели.
И пусть его не тронет ржа,
Пусть бережет дитя в постели
Святая сталь того ножа...

Свою судьбу с поверьем сверьте,
Коней вздымая на дыбы:
Четыре стороны на свете,
Четыре выбора судьбы...

Путник

Стучится в двери человек:
— Неужто дом пустой?
Я перешел немало рек —
Пустите на постой!

Я обогнул немало гор,
Измерил сто дорог.
Я только путник, я не вор —
Пустите на порог!

Стучит, сбивая козонки:
— Поверь мне дом, поверь!
Молчат закрытые замки,
И неживая дверь.

И лишь прохожие глядят
С опаскою сюда:
«Ну, не пускают, не хотят —
Так шел бы ты куда!..»

А чтобы путнику помочь —
И мысли нет о том...
Проходит день, проходит ночь,
Молчит упрямый дом.

Проходит год, проходит век,
Идет то дождь, то снег.
Стучится в двери человек,
Стучится человек...

Доброхоту

Всего верней

тот предаёт,
Кто сплетню вам передаёт,
Желая якобы добра, —
Как глас старушек со двора.

Источник сплетен — он убог.
Но ты зачем ему помог?
Ты лишним стал в моей судьбе,
И нет доверия к тебе...

Полено

Промчалась буря над рекою,
 Полено скинуло в волну,
 Оно, привыкшее к покою,
 Сперва подумало:
 — Тону...

Но вот всплыло на гребень бурный —
И ну хвалиться свысока,
Что по его указке умной
Течет и пенится река!

Не так ли в жизни нашей бренной,
Что бурной пеною кипит,
По виду полное полено
Людской рекой руководит?

Текут часы бесплодной муки
Без вдохновенья, без огня...
Поэзии живые звуки,
Зачем забыли вы меня?

Я жду, я жажду вдохновенья
Душой затихшей, но живой, —
Так ждет земля порой весенней
Небесной влаги дождевой.

Чтоб ожил мир, раскрылись почки —
Пусть ливень яростный пройдет!
Трава взойдет на влажной почве,
И в сердце слово прорастет...

Моя мелодия

Когда смеешься или плачешь —
Танцуй!
Бездействовать нельзя...
— Но как без музыки ты пляшешь? —
Мне удивляются друзья.

А так — звучащий мир вбирая,
Своею песней заболев,
Так — без гармонии,
Без курая —
Кружусь под собственный напев.

Когда — всерьез,
Когда и в шутку
Пляшу — как плачу и пою...
Зачем плясать под чью-то дудку, —
Пляшу под музыку свою!

ТАМАРА ГАНИЕВА

Коктебель

Над Кара-Дагом молния сверкает,
И гром небесный горбит плечи скал, —
То путника природа вопрошает:
Зачем ты был, чего ты здесь искал?

В моей крови бесчинствует язычник,
Душа дрожит, как вольная стрела:
Не ведаю — зачем, в каком обличье,
Но точно помню, что я здесь была.

Жила и этим воздухом дышала,
С травы легко взлетала в стремена.
Пришла пора — и первенца рожала
Я на седле гнедого скакуна...

Гроза ушла. Покоем дали полны,
И снова дремлет древний Кара-Даг.
Меня качают медленные волны,
Как некогда — усталый аргамак.

Но память думу выдавит о давнем —
И вновь изрыт копытами песок...
На горизонте стройными рядами
Уходит рать
Дорогой на восток.

Белая ворона

Вороны каркают, взлетая,
Вершат над городом полет...
А в стороне от черной стаи
Ворона белая — поет.

Поет над суетным обозом
Где, выйдя в люди поскорей,
Мы привыкаем к важным позам
Пророков и поводырей.

Обоз в пути.

В нем крикнут слово —
И я подтягиваю в лад...
Мне говорят:
Поешь толково,
Сойдешь для хора, говорят.

Сойду.

Но хочется к березам,
Где листья падают, шурша,
И где плетется за обозом
Моя отставшая душа.

У нас другая песня с нею,
Пою ее в другом ладу,
Пусть говорят, что не умею,
Пусть говорят, что пропаду.

Зато душа моя взлетает
Туда, под самый небосвод,
И вдалеке от черной стаи
Вороной белою поет...

Спускайся в сад метельный наш —
Ты во дворце зачах.
Зима построит нам шалаш,
Я разожгу очаг.
Мы будем вместе, наконец, —
Спеши душа к душе!
И ты забудешь свой дворец
Для рая в шалаше.
Красавиц много всяких есть,
Я не преграда им,
Я королева только здесь,
И мною ты любим.
Шалаш просторен для двоих,
И пламенно любя,
Я лишь в объятиях твоих
Богиня для тебя.
...Но ты уходишь.
Что же, пусть.
Вольны пути твои.
Не удивляясь, остаюсь
У очага любви.

Моя байга

На этой жизненной байге,
Как на сладчайшей каторге,
Где конь — талант,
Седло — обычай,
А вот успех — в чужой руке.

Чем титулованней рука,
Тем круче норов рысака...
А мне в байге не до победы:
Байга участием сладка.

Вперед, мой пегий!
Время мчатъ!
Стоишь...
Как можешь ты стоять?
Слезу обид о гриву вытру —
Тебя стреножили опять...

Мой мир

Мама — цвета земли и печали,
Думы сердца — как трепет листвы.
Все степные и хлебные дали
В ней живут от весны до весны.

Мой любимый — небесного цвета,
Взгляд бездонен,
А страсть — ураган.
Он пьянит
 жаром неба и лета
Ароматом неведомых стран.

Дочь моя — цвета радуги звонкой,
Пахнет медом и молоком,
А душа — из мечтаний ребенка,
Смех
 весенним звенит ручейком.

Мудрость матери,
Страсть мужчины,
Святость дочки
 создали меня.
И живу я светло и невинно,
Этот мир в себе тайно храня...

Скрип калитки тишину нарушил,
Ночь зловеще смотрит в окна дома,
Лаем пса выматывая душу —
Так тревожно, но и так знакомо.

Выбегаю в ночь,
Спешу навстречу
Страннику с мольбой в усталом шаге.
Если заблудился — то привечу,
Дам еду и постелю бедняге.

Но не здесь, а рядом
Окна бредят,
Радостью нежданной полыхают,
Видно, гостя встретили соседи...

Мой же дом досадливо вздыхает.

В копны, в скирды сложенное лето
Не поманит ласковою далью.
Зелень глаз моих уже задета
Осенью, обманом и печалью.

В доме у соседей варят пищу,
Говоря рахмат судьбе и богу.
А мои друзья все ищут, ищут,
Разгребая ночь,
Ко мне дорогу...

Об авторе

Владимир Владимирович Денисов родился в 1953 году в городе Свердловске. После службы в армии работал водителем троллейбуса, журналистом на Урале и Сахалине. В 1987 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького в Москве.

Печатался в журналах «Урал», «Дальний Восток», «Литературная учеба», «Наш современник», «Уральский следопыт», «Бельские просторы», в альманахах и коллективных сборниках Москвы, Урала и Сахалина.

Автор поэтических книг: «Встречные лица» (Свердловск, 1977), «Белая поляна» (Москва, Современник, 1984) и «В пределах жизни» (Южно-Сахалинск, 1988). Член Союза писателей России, РБ с 1988 года.

С 1993 года живет и работает в Уфе.

Содержание

«В пределах жизни собственной...» Роберт Паль	5
---	---

I. Первый шаг

Вырос	8
«Выхожу из возраста, цепляюсь...»	9
«У стадиона, кладбища, тюрьмы...»	9
«Пятидесятые года...»	10
Семейная традиция	11
Двадцатилетие	12
Давнее	12
Ветеран	14
Полицай	14
«Я знаю склад армейской жизни...»	15
Художник	16
«В дорогах, по которым нас мотало...»	17
Житьё-бытьё	18
В театре	19
Ван Гог начинается	20
Скульптор	21
Икона	22
«На сорок первом километре...»	23
Двойник	24
Двойник-2	25
«Ну что ж... последний разговор...»	26
«Я снова выдумаю девушку...»	27
«Как любила! Да вот не простила...»	27
«Средь распутных, продажных и мнимых...»	28
«Не прощайте измен, не прощайте...»	28
Муза	29
Маяковский	30

Уехали	31
«Встают и опадают травы...»	32
Антихрист	32

II. Смутное время

<i>«Внедряя слово в ясные дела...»</i>	38
Размышления...	39
Похороны шахтера на Сахалине	42
«На русской холодной равнине...»	43
«Я видел Ленина в гробу...»	44
Екатеринбург — Свердловск	45
Волчица	49
Смутное время	51
Беглец	52
Память	53
Голос	54
Пьяный корабль	55
Демографический этюд	56
«Застоявшись в угрюмые годы...»	57
Дни рождений	58
Письмо товарищу	61
«Зачем мне быть к земле поближе...»	62
«Жесток экран. Газеты хлестки...»	63
«Пора блестящая эстрады...»	63
Предтеча	63
«К движенью тяга эпохальна...»	65
Прощание с веком	66

III. Земная пядь

«...И Бог спросил...»	68
«Есть такое счастье на земле...»	69
Вечные вдовы	69
«На кладбище — темно и сыро...»	70
«Не заставший былую войну...»	71
«По сути — вины никакой...»	71
«Не внемля благому рассудку...»	72
Жизнь	73
Земля	73
«Дуют ветры в походные роги...»	74
«Побродил, покалякал с народом...»	75

«Еду лихо. Ветер злющ...»	76
«Я в последнем вагоне, в последнем купе...» . . .	77
Полина	77
«— Гляди-ка, правит, как мужчина...»	78
«А я в этот дом неуклюжий...»	79
«Загустеет светило ночное...»	80
Ключ	81
Ветер	82
«Дом родимый покидаю...»	83
«Я стою у холодного моря...»	83
«Иду-бреду в полсилы...»	84
«Мы начинали как могли...»	85
«Однажды в поисках ночлега...»	86
Ворон	87
«Когда страны шальная сила...»	88
«Я отдыхаю у скалы...»	88
«Таинственный нерест лососей...»	89
«Бродяга-пес, костяшек гряда...»	89
Жук	90
«Пора путешествий настала...»	90
«Есть несколько сводных отцов у меня...»	91
Дуда	91
«Я зависть прячу к двуязычным...»	92
«Был Пушкин. Лирой голосистой...»	93
«Знакомясь с незнакомыми людьми...»	94
«Подарили — и вот чудеса!...»	94
«Уходит веселое время...»	95
Стихи	96
Земная пядь	97
Подорожник	97
Избушки	98
Деревенское	99
«Была деревня так тиха...»	100
«Беде одной на свете скучно...»	101
Трудный день	101
«Твой дом. И прямо от порога...»	102
«В горячих трубах ветер свищет лихо...»	103
Петух	104
«Увозят старые дома...»	104
«Он у стены сидел устало...»	106

«Среди раскатов гроз страшенных...»	107
Тамарка	108
Сахалинское	109
Белая поляна	109

IV. Вторая жизнь

<i>Переведенное стихотворение</i>	112
---	-----

Ирек Киньябулатов

Громоотвод	113
Белая рубашка Миассара	114
Улу-Теляк, 1710-й километр	115
Хлебная страна	116
«Прекрасен мир, подвластный Богу...»	117
Один лишь раз	117
Мой бог	118
«Прошедшее попробуй-ка верни!..»	119
Клесты	119
Дороги	120
«Пыль отряхнув бесчисленных дорог...»	121
Утес, звезды и человек	122
Песня отца	123
Слово	124

Гульфия Юнусова

Стадион	125
Зеркало	125
Земляника	126
«Ты прав. Она меня добрее...»	126
Осень. Бабье лето	127
«Любовь, ликуя и скорбя...»	127
«— Не согреет траву ночная луна...»	128
Сплетня	128
Четыре ножа	129
Путник	130
Доброхоту	131
Полено	131
«Текут часы бесплодной муки...»	132
Моя мелодия	132

Тамара Ганиева

Коктебель	133
Белая ворона	134
«Спускайся в сад метельный наш...»	135
Моя байга	135
Мой мир	136
«Скрип калитки тишину нарушил...»	137

Литературно-художественное издание

ДЕНИСОВ Владимир Владимирович

ЗЕМНАЯ ПЯДЬ

Стихи, переводы

Заведующий редакцией	С. Шарипов
Редактор	О. Гилязетдинова
Художник	И. Файрушин
Художественный редактор	А. Мухтаруллин
Технический редактор	Н. Пятаева
Корректоры	А. Абдуллина
	В. Усманова

Изд. лиц. № 0168 от 10.04.96. Сдано в набор 31.10.2000.
Подписано к печати 21.09.2001. Формат бумаги 70×90¹/₃₂.
Бумага офс. № 1. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл.
печ. л. 5,26. Усл. кр.-отт. 5,55. Уч.-изд. л. 5,17. Тираж
2500 экз. Заказ № 350.

Башкирское издательство «Китап».
450001, Уфа, ул. Левченко, 4а.
ГУП «Уфимский полиграфкомбинат».
450001, Уфа, проспект Октября, 2.